

Виталий Поршнеv

роман

Звёзды и Ведьмы

18+

Виталий Поршнеv
Звёзды и ведьмы

«Автор»

2026

Поршнеv В.

Звёзды и ведьмы / В. Поршнеv — «Автор», 2026

Действие во всех произведениях происходит в Сказочной стране, все персонажи являются плодом авторского воображения. **ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВТОРА СОДЕРЖАТ УПОМИНАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ. 18+ НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Фантастический роман о событиях в секретной зоне, порталах к звездам, секте космических путешественников в Большом Театре, удивительной любви и сильной страсти в классическом любовном треугольнике.

© Поршнеv В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Поршнеv

Звёзды и ведьмы

РОМАН «ЗВЕЗДЫ И ВЕДЬМЫ».

Глава 1.

Я Вячеслав Жарков, мне тридцать лет. Считаю лучшим другом Чибиса Олега. Почему «считаю»? Потому что Олег подвержен сильным изменениям в настроении, и что он может сделать в следующую секунду, я почти никогда не знаю. Хотя мы близки: вместе учились в университете, а теперь работаем.

Профессия наша постоянно требует командировок, и мы практически все время в дороге. Из-за этого внутренний мир каждого из нас формируется тем общением, что мы ведем между собой по несколько суток подряд, иногда неделями.

Сегодня мы едем налаживать сотовую связь в населенный пункт Дальний. Название вполне соответствует глухомани, где Дальний, судя по карте, находится. Я с самого утра за рулем, и сильно раздражен: Чибис периодически говорит idiotские фразочки, рассчитанные вывести меня из равновесия.

Если кратко, то их суть такова: Олег ревнив, причем не только той ревностью, какой ревнуют между полами, а еще и той, что бывает у маленьких детей, когда родители оказывают внимание посторонним людям. В результате Чибис не может разобраться в самом себе. А наша жизнь сложилась так, что мы женились на сестрах, и по ряду причин они доверяют мне гораздо больше, чем ему. Ситуация Олега злит, и он считает, что сестры и я – это противный ему лагерь.

На данный момент Татьяна, жена Олега, беременна, и вчера по этому поводу была смс-переписка. Моя жена Нина, не представившись, отправляла сообщения с моего телефона, считая, что легко узнаваема по характерным выражениям. Так – то оно так, но с телефона Татьяны моей жене отвечал Чибис. По его словам, он «вынужден был прибегнуть к хитрости», чтобы вывести нас на «чистую воду». Якобы ребенок не его, все об этом знают, но скрывают.

Доказательства в анализе, который был предметом переписки. Чибис отчаянно жалеет, что она вышла короткой, и он теперь не может подтвердить возможную измену Татьяны. Я слушаю Олега, и про себя думаю – какое счастье, что Нина поняла, кто ей отвечает, и перестала слать сообщения!

Впрочем, сегодня в моих глазах у Чибиса есть оправдание: у него периодически болит зуб. В такой момент он потирает щеку и жалобно кряхтит. Сочувствуя ему, я терплю его нападки и жду, когда он сам поймет, насколько отвратителен ход его мыслей.

К тому же плохая дорога угнетает Олега всегда больше, чем меня. Зима, гололед, и, несмотря на всё мое умение водителя, машина рыскает из стороны в сторону. Олег при этом чертыхается и говорит, что здесь легко можно превратиться в инвалида.

Соглашаясь с ним, я в душе отдаю должное красивому лесу, через который мы движемся. Высокие ели покрыты пушистым снегом, пейзаж сказочный, и резко отличается от привычного нам, городского.

Вечернем небе вспыхивают звезды. Появляется луна, ее волшебный свет находит между деревьями оленей и заставляет меня вспомнить русские народные сказки. Я засматриваюсь на животных, что приводит к вполне закономерному результату: машина теряет управление, и нас начинает «кидать» по дороге так, будто мы сейчас перевернемся.

Глава 2.

К счастью, мне удалось остановить машину на обочине. Глядя, как дворники стирают с лобового стекла снег, я гневно закричал на Олега:

– И кто виноват? Кто говорил мне под руку всякую чушь? Лучше бы ты смотрел вперед! А теперь на что-то колесом наскочили, и даже не знаем, на что! А вдруг у нас серьезная поломка, и мы не сможем ехать дальше?

Чибис растерянно посмотрел на меня, пожал плечами и выскочил наружу. Я тяжело вздохнул и тоже покинул машину.

Олег осмотрел шину и нашел в ней огромную дыру, из которой торчал фрагмент оленьего рога. Кроме черных следов резины, на нем виднелась замерзшая кровь. Похоже, на дороге случилась стычка между самцами, и один из них сильно пострадал.

Я открыл багажник, достал запаску, и мы принялись менять колесо.

Когда мы закончили, Олег, прощупывая снег ногами, пошел по нашей колее обратно. Он решил поискать, нет ли на дороге других обломков рога. Чибис хотел устранить возможную опасность для водителя, который будет ехать здесь после нас.

А я надумал позвонить к жене. Но оказалось, что сигнала от сотового оператора нет. Во владениях Минобороны это было настолько маловероятным, что я перезагрузил смартфон, решив, что он «завис». Однако связь не появилась. Я удивился. Ведь пока мы ехали, всё было нормально. Похоже, нас не зря послали проверить местные вышки связи. Нужно выяснить, почему случаются перебои в их работе.

Из задумчивости меня вывел голос Чибиса. Он попросил направить свет автомобиля на него. У меня сложилось впечатление, что друг нашел рога целиком, и хочет забрать домой.

– Олег, мы в командировке, и должны думать только о работе! Чтобы там ни было, возвращайся скорее, поедem дальше! – недовольно крикнул я.

Но Чибис в ответ сообщил мне, что обнаружил человека. Я сразу отъехал назад, и фарами нашел лежащую в кювете белую «Ниву». Олег стоял возле нее, по пояс в сугробе, и пытался извлечь водителя из салона. У него ничего не получалось: «Нива» обледенела настолько, что пальцы Чибиса соскальзывали с дверцы машины. Судя по выражению лица Олега, он отчаянно нуждался в моей помощи.

Глава 3.

Я подбежал к Чибису, и мы вместе разбили стекло на «Ниве». Ее водитель оказался очень пожилым человеком. Такие, как он, редко выживают в тяжелых авариях. Однако, надеясь на чудо, мы не стали разбираться на месте, что с ним. Просто извлекли из машины и понесли к дороге. Нам пришлось нелегко: дед весил много, и мы порой сильно проваливались в снег. Кроме того, боковой ветер пронизывал одежду насквозь и затруднял дыхание.

Мы были вознаграждены за наши старания. Едва усадили старика на заднее сидение нашего автомобиля, он тут же издал тихий стон и открыл глаза. Я счастливо улыбнулся. А Олег, выражая радость, похлопал меня по плечу. Нам было приятно, что удалось спасти человека от верной гибели.

Спустя несколько минут дед окончательно пришел в себя. К сожалению, внешний вид он имел диковатый, и от него исходил плохой запах. Поэтому мы не особенно удивились, когда он стал нечленораздельно бормотать, что, в случае с ним, виноваты «числа».

– Какие числа? О чем ты говоришь? – Сказал я, переключая передачу. – Олени спорили за свой гарем, вот в чем причина твоей беды! Тебе повезло, что ты избежал столкновения со стадом!

Дед пожевал губами, а потом спросил с ласковой интонацией:

– А куда вы едете, сыночки? Скоро будет военный пост, и без специального разрешения вас не пропустят!

Я вдруг понял, что придется что-то сделать с присутствием постороннего лица в нашем автомобиле. Мы не можем взять старика в закрытую зону. Олег подумал о том же, и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул головой, предлагая Чибису высказаться.

– Ты за нас не беспокойся, отче! – сказал Олег, повернувшись к старику, – мы проедем везде, куда нам надо. А вот тебя, придется оставить на том посту. Позвони к родным, пусть приедут и заберут. Мы, извини, больше помочь тебе не можем, очень заняты.

– Да я бы давно позвонил, но после того, как моя «Нива» перевернулась, телефон не работает. Что неудивительно, формально мы на территории зоны, а в ней, всякое бывает... – многозначительно сказал старик. Его тон рассмешил Олега. Друг улыбнулся, но все-таки посмотрел на экран своего телефона.

– Славик, а действительно, сигнала от вышек нет! – изумленно сказал он через секунду.

– Да, я знаю. – отозвался я.

– Х-м! – произнес Чибис. У него (как и у меня), по поводу странного отсутствия связи возникли предположения. Олег захотел обсудить их со мной, но тут дорогу преградил шлагбаум.

Глава 4.

Боясь завязнуть в снегу, я ехал быстро. Поэтому при торможении машина проскочила знак «стоп», и на половину капота ушла под стальную балку.

Из ярко освещенного «вагончика» с надписью КПП выскочил, держа оружие наизготовку, ладный майор. С лица он выглядел закоренелым службистом. Мне с такими людьми всегда тяжело иметь дело.

– Ну, гражданские, вы даете! – произнес он, взглядом измеряя, сколько сантиметров осталось между перекладной и нашим лобовым стеклом.

– Простите, немного не рассчитали! В следующий раз будем осторожнее! – сказал я, выходя из автомобиля с документами.

Майор неодобрительно поцокал языком, и принялся изучать наши бумаги. Когда по его лицу стало понятно, что он ими удовлетворен, Олег спросил:

– А можно на вашем посту оставить старика? Подобрали на дороге, иначе бы он замерз. Да только не можем взять с собой, в секретной зоне дедушке делать нечего. Когда связь восстановится, его отсюда заберут!

Майор не ответил: сверяя фотографию в паспорте, он направил свет фонаря на Чибиса. Лишь удостоверившись в соответствии, служивый перевел луч на заднее сидение. Старик улыбнулся майору, и вяло махнул рукой. Я подумал, что майор сейчас потребует у него удостоверение личности, но служивый узнал нашего пассажира.

– Шаман... – только и произнес офицер, возвращая наши документы. Я не понял, кого майор имеет в виду. Но не стал переспрашивать, ожидая, какое он примет решение.

Тут буран усилился, и лес зашумел. Прислушавшись, майор напрягся, и произнес:

– В такую непогоду я не могу вас пропустить. В зоне идут военные учения, по этой дороге передвигаются тяжелые тягачи. В их глубокой колее вы застрянете. А если попытаетесь проскочить с ходу, то соскользнете в одно из тех озер, что здесь в избытке. Провалитесь под лед, и вас уже никогда не найдут!

Будто подтверждая его слова, с окружающих деревьев сошла снежная лавина. Она частично накрыла и нас.

– Так что же нам делать? – растерянно спросил я, стряхивая с головы снег, – мы не можем развернуться и уехать. Над нами начальство! Хоть мы не в погонах, но приказы выполнять должны.

– В поселок, где находится наша часть, можно попасть по другой дороге. Она засекречена, ее нет на общей карте. Поэтому вы, и заплутали. – Сказал майор.

– И как нам найти ту дорогу? – с недоумением спросил я, ёжась от холода.

– Ваш «пассажир» живет в Дальнем! С таким проводником, как он, не заблудитесь. – Сказал майор, включил светящийся жезл, и жестом регулировщика показал, что нам следует освободить проезд.

Глава 5.

Изменение в маршруте означало, что ехать придётся гораздо дольше, чем мы рассчитывали. Это огорчало. Похоже, майор намеренно не пускает нас в зону. Хочет, чтобы мы отвезли старика домой? Я вернулся на место водителя с намерением расспросить старца, и по возможности понять, насколько верно мое предположение.

Дед смотрел в темноту. Его лицо, и так от старости белое, показалось мне побледневшим. Я окликнул, и старик направил взгляд на меня. Я обратил внимание, что глаза у него, относительно того момента, когда мы его нашли, стали яснее.

– Вы не волнуйтесь, я знаю, как ехать. Пешком я всю округу обошел, и страх с дороги сбиться, мне неведом. А после сегодняшнего конфуза возвращаться в поселок с такими молодцами, как вы, мне спокойнее! – прежде чем я задал вопрос, сказал дед.

Он посмотрел на майора, и опять улыбнулся ему. Мои подозрения укрепились, и на душе стало неприятно от того, что местные, похоже, используют нас. У меня возникло легкое предубеждение к старику.

Олег не вникал в происходящее, он боролся с очередным приступом зубной боли. Терпя ее, Чибис раздраженно сказал, чтобы я быстрее разворачивал машину. Он был прав: скоро полночь, и каждая заминка только отдаляет вожаемый отдых.

Я начал разворачиваться, но колеса неожиданно завязли в снегу, а стекла покрылись изморозью. В салоне стало зябко. От внезапного усиления мороза нами овладела тревога. Я попробовал выволить автомобиль из ледяного плена, переключая передачи. Однако, несмотря на рев двигателя, мы даже не шевельнулись.

Майор заметил, что у нас что-то случилось, и пошел к нам. «Намеревается подтолкнуть?» – подумал я. Но не угадал: офицер осветил фонариком в темноту позади автомобиля. Сразу сдерживающий нас сугроб обмяк, и отпустил колеса на свободу.

Только радоваться было рано. Едва я стал набирать скорость, из леса выскочила косуля и побежала рядом. Она вела себя не как травоядное животное, а как хищник, который задумал что-то плохое. Дед от испуга, тихо, по-старчески, вскрикнул, а Чибис сдавленно произнес:

– Чертово зверье!

Мне удалось опередить косулю, и в зеркало заднего обзора я увидел, что она остановилась и гневно смотрит нам вслед, почти как человек. А через секунду... косуля превратилась в вихрь и рассыпалась на отдельные снежинки. Я предположил, что такая ерунда мне мерещится от усталости.

– Ты слышал противный звук? – заставив меня вздрогнуть, спросил Олег.

– Наверное, шумели о лед колесные шипы, – неуверенно ответил я, – мы же в обычном лесу! Откуда здесь сверхъестественные явления?

Олег растерянно пожал плечами, а старик на заднем сиденье начал беспокойно ёрзать. Я понял, что у него есть на это причина. У меня возникло желание задать ему вопрос. Да только я не успел: над капотом мелькнула тень, и раздался отчетливый механический визг, который невозможно было причислить к шумам нашего автомобиля.

Глава 6.

Нервы у нас находились во взвинченном состоянии, поэтому мы запаниковали и громко выкрикнули «ах!». Я едва не потерял руль, а машина пошла юзом. Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы вернуть ее на прежний курс. Я обождал, когда мой пульс успокоится, а затем, желая нарушить тягостное молчание, дрожащим голосом спросил:

– Это что, была ночная птица?

– Конечно, птица. Из тех, что летает на охоту в шторм! – с мрачным ехидством произнес Олег, и, обернувшись, в упор посмотрел на старика. Я тоже бросил на него косой взгляд.

– Дед, может быть, ты перестанешь молчать, и объяснишь, что тут происходит? – Спросил Чибис.

– Ага, желателно услышать правдоподобный комментарий. Про эту зону, в нашей конторе мало что известно. Я перед выездом навел справки среди коллег, и узнал, что ее не любят из-за частых помех сигналам. Но в остальном, она не отличается от прочих зон. – Сказал я.

– Наверное, тут лес заговорен! – продолжил наседающий на старика Чибис, – вот скажи нам, дед, что только что над нами пролетело?

Однако старик, хмуря брови, по-прежнему молчал. Тогда Олег решил зайти с другой стороны. Он налил из термоса горячий кофе, и предложил старику вместе с бутербродами. Дед накинулся на еду с такой болезненной жадностью, будто только ее и ждал.

После насыщения у него случилось слезливое размягчение. Дед достал платок, и, вытирая глаза, принялся словоохотливо болтать, сообщая подробности о дороге. Как по ней ехать, где извилистые участки, и прочее. Закончив описание, дед сделал паузу, в течение которой чувствовалось, что его распирает от желания продолжить рассказ. Мы решили не торопить его, и угадали. Наконец старик не выдержал, и стал говорить:

– Вы поймите, я подписал договор о неразглашении. Я подведу очень многих людей, если разболтаю правду. Но если хотите, я расскажу вам о событиях, случившихся здесь еще до создания зоны. Так сказать, легенду из моей молодости.

– Рассказывай уж, не томи! – дружно произнесли мы, надеясь услышать что-нибудь полезное для нашей командировки. Да и, просто сгорая от любопытства.

Глава 7.

Дед повздыхал, настраиваясь, и принялся говорить:

– Для начала хочу сказать, что я тот, кто привлек к этому району внимание Госкомитета СССР. Вы удивитесь: я тоже связист, но специалист по старой, аналоговой связи. В восьмидесятых годах был назначен сюда из Москвы, начальником участка телефонных линий. Руководить пришлось монтерами, отчаянными выпивохами. У них за душой не могло быть и ломаного гроша, но на недостаток денег они не жаловались. А их бригадир, даже купил приличное авто. Я заинтересовался, откуда такое богатство, и стал задавать вопросы. Хотя монтеры отвечали неохотно и через раз, я выяснил источник их дохода. Дело в том, что на территории, которую сейчас занимает зона, тогда находился еловый питомник– заповедник. За редкой породой деревьев следил совхоз, имеющий название «Дальний». Его центральная усадьба находилась в старинной деревне Карпово, при царях большой и процветающей. Через нее когда-то проходил торговый тракт на Москву, в ней жили потомственные купцы. Но после войны, вдали от промышленных центров и новых трасс, местность опустела. Деревня сохранилось только благодаря совхозу и бабкам, к которым ездили за «советом».

– Постой! Сказал ведь «бабки» ты? – я перебил вопросом старика, – иначе, ведьмы?

– Да, так. Служительницы темных сил, под именами разными известны. Они находились в той деревне издавна. Но прославились при немецком наступлении на Москву, когда в зимнюю пору случился страшный бой. Испугавшись сильных взрывов, собрались в ночь за меловой чертой. По их призыву, в сражение вмешались неба боги: послали метеорит, изменить состав воды в заповеднике. Озер глубоких, тут множество. В них поднялась вода, и бурною рекой пошла по суше. Все происходило в сильный мороз, и лес превратился в ледяную пустыню с неземным, феерическим пейзажем. Дело закончилось жутким снегопадом, в котором исчез и фашист, и вся его техника. К этой истории остается добавить, что летом в заповеднике, к всеобщему изумлению, не нашли никаких следов немецкого войска. Хотя московские чекисты не просто искали– носом землю рыли!

Дед произнес последние слова излишне горячо. У него захрипело в легких, он начал надсадно кашлять в платок, при этом задыхаясь. Олег помог старику достать таблетки и принять их.

Глава 8.

Лишь спустя несколько минут мы услышали продолжение повествования:

– В мирное время война забывается людьми. История о ведьмах и метеорите начала казаться обывателям обычным бабьим «трёпом», над которым не грех и посмеяться. И смеялись, пока жители района не заметили, что природа в заповеднике ведет себя необычно. По числам, кратным колдовскому бою, в озерах рыба так увеличивалась за ночь, что размерами могла соперничать с морскими обитателями. Кроме того, растительность ставила рекорды. К примеру, в лесу появлялись гигантские грибы. Их можно было собирать, не сходя с места, мешками. Монтеры придумали, как извлечь из этого выгоду: в такие сутки они занимались браконьерством. Создали тайную артель и организовали сбыт в город Обнинск, где на центральном рынке держали целый ряд. Но при всем при этом, были два правила, которые они соблюдали неукоснительно. Во-первых, промыслом занимались только днем, а, во-вторых, останавливали добычу, если идущая по заповеднику телефонная линия подвергалась внезапному разрыву. В социалистическом государстве такая тяга к наживе показалась мне, коммунисту, проявлением мещанского сознания. Я объявил монтерам выговор с занесением в личное дело. Они обиделись, и напрочь замкнулись в своем мирке. Спустя столько лет я жалею об этом. Поведи я себя по-другому, у меня было бы гораздо больше информации. И я тогда не попал в беду. Ну да ладно, что уж теперь! Что есть, то есть, перехожу к главной части рассказа. В мою первую зиму на должности начальника участка, в декабре, случалась редкая оттепель. Особенно она проявила себя в заповеднике: снег в нем практически сошел, и лесные дороги превратились в грязное месиво. Попасть в Карпово, или выехать из него, не представлялось возможным. Поэтому районный комитет партии очень внимательно следил за работой связи. Мало ли что случится, работников совхоза нельзя было бросить на произвол судьбы! Но, как всегда и бывает, проводная линия в совхоз неожиданно оборвалась. Кроме того, на ней возникли помехи, от которых перестала работать районная телефонная станция. Про ЧП доложили в область, и «сверху» пообещали, что у меня отберут партбилет, если я не устраню повреждение. Я решил немедленно выдвинуться в заповедник. Но монтеры стали говорить, что не отправятся со мной из-за невозможной тяжести задания. Якобы дело не в их дурацких правилах, а в том, что наш штатный трактор сломан (что оказалось для меня полной неожиданностью). Раскисшая дорога поглощает сапоги до колена, и передвигаться по ней пешком, нет никакой возможности. Я устроил монтерам жуткий скандал и пообещал всех уволить. Но в ответ услышал: «ты в нашем заповеднике подошв еще не тёр, вот и сходи-ка сам вдоль линии! Если у тебя получится, в следующий раз, и мы с тобой пойдем. А пока подождем, когда трактор заработает, и температура упадет до минусовых отметок. Как только земля замерзнет, тракторист доставит нас в Карпово, за час!» – выслушав такое, я, крайне расстроенный, отошел от монтеров. Из-за моей молодости они не видели во мне авторитета, и заставить их выполнить распоряжение я не мог. Лишь терял в конфликте драгоценное время...

Старик замолчал, и, пристально глядя вперед, указал на малозаметный, скрытый под снегом перекресток. Здесь необходимо было повернуть, чтобы попасть в поселок Дальний. Что я и сделал, с нетерпением ожидая развития увлекательной истории.

Глава 9.

Олег долил старику кофе в стакан, и учтиво пожелал доброго здоровья. Дед, довольный тем, что наше внимание приковано к нему, возобновил рассказ:

– Предложение монтеров идти пешком, конечно, было замаскированной издёвкой. Я бросился в гараж, намереваясь выяснить, что случилось с нашим трактором. Думал любой ценой заставить его ехать. Но тракторист прекрасно знал, что я приду, и встретил меня разобранным двигателем. На мои вопросы он, нервно дергая головой и пьяно заикаясь, отвечал, что раньше завтрашнего утра не заведется. Я в сердцах заявил, что обойдусь без него, и спросил, в какой организации по соседству можно одолжить трактор. Тракторист довольно убедительно стал доказывать, что ни одна известная ему техника не пройдет по заповеднику, по причине разлива озёр. Утонет в них, как нечего делать. Кроме, пожалуй, мотоцикла (тракторист давно мечтал

заполучить на участок, и постоянно упоминал о нем), который может легко проскочить по деревянному настилу и пешеходным мосткам на просеках. Его слова, призванные отговорить меня от рискованного предприятия, на деле подсказали, что нужно делать. Я вспомнил, что Коля, мой давнишний приятель (мы жили в одном общежитии, когда учились в Москве), по стечению обстоятельств оказавшийся главным агрономом района, недавно хвастал своим приобретением – мотоциклом «Урал» с подключаемой на бездорожье люлькой. Приятель утверждал, что лучшего средства для передвижения по вязким грунтам, нет. Оставив тракториста, я бросился искать Николая. Он как раз скучал (зимой поля не требуют хлопот), и, будучи патриотом любой работы, без колебаний согласился отвезти меня. Естественно, мне захотелось показать монтерам, что я умею добиваться своего, и мы, загрузившись инструментом, гордо промчались под окнами участка. Бригада в полном составе выскочила на крыльцо здания и кричала вслед, желая остановить нас. Бригадир даже дал подзатыльник трактористу за то, что тот подкинул мне идею. Но район экстренно нуждался в качественной телефонной связи, я больше не желал слушать их глупостей. Поэтому мы оставили монтеров за спиной, и в приподнятом настроении доехали до того места, где вы сегодня нашли меня. В восьмидесятых годах там сходились почти все дороги района. В их числе была и та слабенькая грунтовка, по которой нам предстояло ехать. Теперь грунтовка превращена в более солидную дорогу, и именно на нее вас не пустил караульный...

– Прости! – перебил старика Олег, – я никак в толк не возьму, зачем ты, в столь поздний час, направлялся к военному посту? У тебя, как я понимаю, пропуска нет, и быть не может. Что ты собирался там делать?

У старика обиженным стал взгляд, он недовольно пробурчал:

– Я в заповеднике ходить могу пешком, когда захочу! Местным жителям военные это разрешают. Я намеревался оставить свою машину у шлагбаума, и отправиться по старой линии на лыжах.

– В такую-то погоду, и на лыжах? – с большим сомнением спросил я.

– А в зоне погода меняется очень быстро, порой по несколько раз за сутки. – Сердито стал объяснять дед, – Когда я выезжал из поселка, небо было чистым, а к вашему появлению начался ураган. Но я вас уверяю, скоро он прекратится. Однако если вам моя история не нравится, то я могу и замолчать! Тогда вы не узнаете, что я хочу вам рассказать, спасение мое, от верной гибели, цена. Как знать, быть может, и я спасу вас от ошибки! – сказал старец, и почему-то посмотрел на меня так, словно взглядом хотел отделить от Чибиса.

Глава 10.

Установилась неловкая тишина, в которой старик смотрел, что происходит снаружи. Я заметил, что в тучах появились просветы, снежная пурга становится тише. Ураган действительно заканчивается, а с ним, похоже, и наши беды. А дед не такой уж и балабол! Во всяком случае, его слова о погоде правдивы. Историю старика стоит дослушать хотя бы для того, чтобы иметь представление о месте, где нам предстоит работать. Но как вернуть рассказчику прежнее, говорливое настроение?

Олег догадался: он достал из сумки плитку шоколада и предложил ее. Дед набросился на сладкое с такой же жадностью, как до этого на еду, и выражение его лица смягчилось. Он вновь расположился к нам, и без каких-либо просьб с нашей стороны, мы услышали:

– Ну, так вот, мотоцикл, ревя двигателем, стал медленно ползти по краю грунтовки. Прошлогодня трава и опавшие листья создавали пусть тонкое, но все-таки покрытие, за которое цеплялись колеса. Я сидел за Колей, завернувшись в брезентовый плащ, и во все глаза пытался найти наиболее распространенное повреждение: обрыв проводов, случившийся при падении дерева. Труд оказался не из легких! Линия постоянно пропадала в тумане, который лишал меня надежды что-нибудь разглядеть. Мне приходилось привставать на подножках, но тогда мотоциклетное седло больно било меня в «пятую точку». Помимо того, вода из луж летела фон-

таном, обдавая холодной струей от макушки до пяток, и залепляя глаза грязью. Но особенно приходилось тяжело, когда мы объезжали подтопленные участки по лесхозным просекам. На них скопилось много брошенного лесозаготовителями валежника, и чтобы он не мешал проезду, приходилось руками отбрасывать его в сторону. Эта работа физически изматывала. Глубоко в душе я чувствовал себя идиотом, и проклинал наш экстренный заезд. Я понял, почему монтеры так ненавидят срочность, и даже начал признавать их позицию в чем-то правильной. Не могу вам передать, какую мы испытали радость, когда увидели Карпово. Возникла надежда передохнуть и обогреться. Мы взбодрились, и въехали в деревню молодцевато, парадом. Тут надобно для ясности сказать, что деревня находится возле самого большого озера, примечательного тем, что береговая линия имела форму круга. Словно кто-то циркулем провел, до жуткой глубины породу вынул, а затем дыру в земле залил водой. И не забыл создать песчаный пляж, всех здешних жителей красу и гордость. На этом пляже по ночам входили ведьмы в транс, и он носил по праву званье «чертов». Впрочем, я отвлекся! Хочу сказать, что на фоне аккуратных лесхозовских домов наша линия выглядела вполне достойно: столбы стояли ровно, новые изоляторы блестели, а провода были натянуты строго по ГОСТу. Глядя на нее, я, когда мы затормозили у кирпичного правления совхоза, подумал, что здесь чинить особенно нечего, мы скоро поедem обратно. Но как только двигатель мотоцикла смолк, меня поразил покой вокруг нас. Не слышен был малейший звук, и шелест ветра не тревожил уши. Деревня выглядела так, как будто из нее исчезли все божи души. Закрыты были ставни сельских изб, и на засов поставлены калитки.

– Неужто жители перепились, не в силах из домов наружу выйти? – задумчиво спросил Николай, доставая из кармана пачку отсыревших папирос.

– Ты прежде времени, не делай выводов! Сейчас все узнаем! – сказал я, сошел на землю, и направился к совхозному крыльцу, над которым висел красный флаг с серпом и молотом.

Глава 11.

Перед входом в правление я наступил на чистый половик, и сапогом испачкал его в слякоти. У меня сложилось впечатление, что я первый, кто за оттепель пришел сюда. Недоумевая, что бы это значило, я очистил дверную ручку от сосулек и нажал на нее. Она не поддавалась. Пришлось налечь всем телом, и только тогда покрытая изморозью дверь соизволила открыться. В образовавшийся проем, обжигая лицо, стал выходить морозный воздух. Мы вошли в здание и осмотрелись, пытаясь понять, от чего в нем так холодно. Увидели длинный коридор, закрытые на амбарные замки двери совхозных контор, сложенные «колодцем» дрова возле стенной печки, и висающий на стене телефон. Николай бросился к печи, надеясь найти спички. А я, желая услышать сигнал станции, снял с телефона трубку и поднес к уху. Но наушник громко трещал от помех, происхождение которых было по-прежнему неизвестно. Я тяжело вздохнул и уселся на скамью. Если честно, я еще не встречал такого загадочного повреждения, да и деревня поражала своей таинственностью. Я не мог понять, что нам делать дальше. А Коля, не найдя спичек, взял кочергу, открыл дверцу печки, и в ее темноте поискал, не прячет ли зола тлеющего уголька. Не нашел, и разочарованно сказал, что печь не топили суток трое, не меньше. Я выразил недоверие его словам. Долгий простой заметили бы. Связь с Карпово исчезла этой ночью, а в предыдущие дни районное начальство звонило в правление, и служащие отвечали. Неужели кто-то из них мог работать в насквозь промерзшем здании? Николай сказал мне, что ничего не утверждает, просто констатирует факт. Он принялся щелкать электрическим выключателем, намереваясь зажечь в коридоре свет. Его старания оказались напрасны, спрятанные в древних абажурах лампочки не вспыхнули. Приятель, так же как и я до этого, тяжело вздохнул. Он отдернул скрывающую окно занавеску и посмотрел, что делается снаружи. Кое-что его поразило. Встрепенувшись, он спросил: почему, при отсутствии электричества в деревне, на праздничной елке моргают цветные огоньки? Это вызвало интерес

и у меня. Мы оставили здание совхоза и пешком направились к берегу озера. Там на пологом песчаном пляже находилось дерево, которое привлекло наше внимание.

Глава 12.

Нашему удивлению не было предела, когда мы обнаружили, что кто-то натянул провода от телефонной линии до новогодней елки. Оказывается, в деревне жил «самоделкин», который придумал, где взять электричество, если в обычных розетках его нет. Он собрал из лампочек от ручного фонаря елочную игрушку. Только не подумал, что так сыграет со связистами злую шутку. Я сбегал к мотоциклу за монтерскими когтями, и подошел к телефонному столбу. А приятель направился к черному пятну, что осталось на пляже после большого костра. Неожиданно для себя он увидел, что жар всё ещё идет от головешек. Обрадовавшись, Николай достал из пачки сигарету, подсушил ее, держа между ладошек, а затем закурил. Выпустив из рта густой дым, приятель посмотрел на расстилающееся перед нами озеро. Его удивил толстый лед на его поверхности. Ведь температура воздуха уже давно была выше ноля, и другие озера в заповеднике растаяли. Коля высказал недоумение. А я сказал приятелю, что обсуждать природу, как и погоду, не имеет смысла. Она такая, какая есть. К тому же за другими делами мы скоро забудем, как ездили в Карпово, и что здесь видели. Соглашаясь со мной, Николай кивнул головой. Мы перекинулись еще парой малозначащих фраз, и я полез на столб. Он был высок, да ладно, не беда, меня смутила странная игрушка. В деревне был обычай: под новый год на елку вешать много броских кукол. И мне почудилось— одна из них поет, и хочет, чтоб я стал ее супругом. Я головой тряхнул и вытер лоб: на нем вдруг проступили капли пота. Не ожидал, что в глубине лесных чащоб меня настигнет участь идиота. Но кукла та смотрела мне в глаза (была она наряженной невестой), с мольбою сильной будто бы прося: «соединись со мной любовью вечной!». Я слышал голос девы не в бреду, а наяву, песнь нежности ее звучала в сердце. Она мне пела: «прижми меня к себе, я оживу, и рук моих, в залог горячих чувств, получишь ты волшебный перстень!» Я много был чем в жизни впечатлен, считал себя бывалым. Однако тут я задрожал, той песней кукла просто изводила. Но я достаточно умен, чтоб понимать, что это мучит душу ведьмовская сила. Решил не поддаваться ей, и проявить напористый характер. Не помешают мне исправить связь проделки деревенских магов! Я стиснул зубы, поднялся доверху столба. Но только линию очистил от гирлянды, так вновь услышал: «ну посмотри же на меня, брось взгляд любви, сердечко, милый мой! Ведь это я— твоя судьба! Навек соединишься ты со мной, едины будем телом и душой, нас даже смерть не разлучит!» Девичий голос звучал настолько явственно, что я подумал: «да кто же это говорит?» Наверняка, смеясь издалека, так надо мною потешалась ведьма. Сочтя меня, приезжего, за простачка, со мной придумала игру, и эхом. Затем я понял, эхо ни при чем: моя тряпичная «невеста» сама поднялась на макушку елки, и пела мне с улыбкою веселой. Меня достала эта ворожба, я в ярости нож острый в куклу бросил. «Я погибаю за любовь?»— произнесла она, и пуговичных глаз ее, полились с кровью слезы. Своей игрушечной рукой она пыталась удержаться за иголки, но только час ей выпал роковой: не удержалась, и упала к основанию елки. Как будто бы в движение пришли все куклы, что служили украшеньем. Так зашипели— сам я до земли, ослабив когти, сполз в одно мгновение. Здесь не нашел упавшей куклы след, лишь Николай под куртку что-то прятал. Хотел спросить, что прячет он, но вдруг увидел: кружит снег, летят из прилетевшей тучи молнии разряды!

Глава 13.

Отмечая за стариком несомненный талант поэта, мы внимали ему:

— Над озером повис ужасный мрак: то снежная гроза разбушевалась. Наш трудовой энтузиазм иссяк, возникло ощущение страха. Мы поняли, что будет ураган, и дружно побежали к мотоциклу. А крупный град в него уж бил, как в барабан. Сигналил, что непогода нас настигла. Мотор завелся сразу, с пол тычка, и только мы покинули деревню, исчез над ней свет божий дня, как будто сатану был похищен. Обратно мчались по грунтовке, в лесу сдирая листья жухлые с ветвей. Но, к сожалению, от бури мы смогли лишь ненамного оторваться. Вдруг в сере-

дине чаши поползли, и от чего, мне было непонятно. Затем заметил я змею, которая обвилась вокруг люльки. Прогнал я эту мысль свою: страх сгинуть в зоне вызывал безумье. А выглядел, как будто был змеей, оборванный высоковольтный провод. Причем так хитро он крутился над землей— подумать можно, что нас кто-то ловит. Хочу сказать, что провод был большой бедой не только потому, что мы не ждали таких препятствий на пути своем. Нам страшно было брать его руками! Вполне возможно, в нем еще был ток, а он для жизни представлял опасность. Не только я, и Николай промок, нам не хотелось рисковать напрасно. И вот, произошло, не выдержал мотор, заглох, от статики грозы покрылся искрами шальными. Мы тут же соскочили с мотоцикла. Нам стало ясно, что придется дальше путь держать пешком. Мне показалось, что мой приятель разочарованно вскричал, но Коля удивление выражал. Его стихия леса поразила. Увидел агроном зимой цветы, что на поляне распустились. Он обо всем забыл и бросился, чтоб насладится ими. И впрямь была поляна хороша, на ней растительных чудес немало уместилось. Как сильно взволновалась Колина душа! Всю жизнь мечтал собрать гербарий он, для книги. Решил чуть времени я дать ему, а сам пошел глядеть, куда уходит провод. Непознанного леса полутьму, которой был, как Коля, очарован.

Глава 14.

Пройдя всего лишь несколько шагов, заметил просеки двух разных линий. Участок этот от меня туман укрыл, когда здесь утром проносились. Опора высоковольтки рухнула на лес, и напряжение по длинным влажным веткам достигло нашего столба. Вот что давало станции помехи! Я с облегчением вздохнул (своей настойчивостью по праву мог гордиться), затем подумал: но почему опора надломилась? И далеко лежит ее упавший провод? Возможно, ветер не на шутку бушевал, и он разрушил инженерное творенье человека? Однако я не помнил, чтоб на днях так портилась погода. Решил к высоковольтке ближе подойти, но тут увидел странный черный «камень». Он поражал, был необычен вид его! Состав поверхности оплыл и стал зеркален. И «камень» тот гудел в лесной тиши, как будто был в нем мощный трансформатор. Подумал я: метеорит! Упал не так давно, теперь лежит, от глаз людей таясь, моих проблем организатор! А ведь посланец звезд, достойный изучения. Наверняка в нем есть, что хочет знать наука. Не так уж часто падают с небес предметы с необыкновенным звуком. О немцах почему-то вспомнил миф, о том, как местные в ночном бою их побороли. Всегда казалось мне, что миф брехлив, и бабами сложен на алкоголе. Считал, что выдумки нужны селянам для того, чтоб скучный быт украсить. Но вот я сам пред тайною стоял, и мысли вихрем проносились. Однако чувствовал, что я излишне вял, и не могу на что-нибудь решиться. Ведь в подсознание шевелился страх: вдруг в «камне» прячутся «другие»? Внезапно пожалел я Карповских бедняг, которые додумались до культа. Вообразили, черт их знает что, а умному, не следует бояться. Пусть даже в «камне» будет «кое-кто», не даст в обиду партия и государство! Я с этой мыслью сделал шаг, дрожа от стука собственного пульса. Но только под ногою грубо хрустнул лед, мне сразу стало худо. О радиации мелькнула мысль, о том, что я пока что слишком молод. А стоит ли идти на крайний риск, хоть и толкает новых знаний голод? — задал себе вопрос, и тут...

Глава 15.

... мой «камень» весь переменялся. Открылись мне через него миры, предстала взгляду космоса картина. Галактики сияли предо мной, вселенная во времени дышала. Я мирозданья чувствовал покой, мне вечности мелодия в ушах звучала. Поверьте в то, что я ничуть не вру, и в то, что ощутил себя почти что богом. Я мог пройтись по звездному ковру, и прозревать, что в веке ждет далеко. Глазами видел зароженье бытия и первозданный свет, да что там— я и сам светился! Я мог командовать парадом планет, материю заставить подчиниться. Скажу вам откровенно: таким хотел я очень долго быть, а по возможности, и навсегда остаться. Мне показалось— если к «камню» я пройду еще чуть-чуть, ничто не помешает жизнь в «новом» теле наслаждаться! «Всего лишь шаг!»— наивно думал я, душою от эмоций сильных млея. Я вел себя как малое дитя, что безрассудно хочет быть смелее. Когда желание звездою стать ума

совсем лишило, я захотел честь оказать вселенской «силе». Пал перед «камнем» на колени. Тогда казалось мне, что я во сне, я сплю, и вижу лишь мечтательные грезы. Но правда объявилась в тот же миг! Себя увидел на лесной поляне, где горечь отрезвления постиг. Пронзал меня из тьмы чудовищной, взгляд пары глаз горящих. Он душу обнажал, пытался подчинить сознание. А впрочем, точно трудно мне сказать, что существо то от меня хотело. Не видел в «камне» ничьего лица, и сомневаюсь в том, как было дело. Одно могу сказать: недолго длился этот странный смотр, вокруг все изменилось. Стал времени привычный ход иным, на ветках зимних деревьев вдруг появились листья. Они росли, как не растут весной, а сами ветви к небу устремились. Питались в росте легкою водой, что каплями по воздуху носилась. В который раз промок насквозь, но все-таки не смел пошевелиться. Я с изумленьем наблюдал: сошлось на «камне» всё кружево ветвей, и кем-то вьется «личность». Невидимой рукой работал ткач, вил ветви по людской фигуре. Я не могу сказать, кто был такой ловкач, но он умело создавал необычайную структуру. Хотя имелся в ней немалый вес, она без затруднения в воздухе парила. И возвышаясь до небес, собой фигура, как ни странно, выглядела мило. Сияла красотою корона на ее челе. Я засмотрелся на нее, затем подумал: но для чего все эти чудеса, что ожидает напряженно зона? Как будто бы желая дать ответ, раздался жуткий гром, сверкнули сотни молний. Под их воздействием земля пустила пар, а «камень» осветил поляну «звездным» светом. Сменился вид фигуры. Вода на теле у нее, белее снега кожу превратилась. Она вздохнула глубоко, и, подняв веки, пробудилась. От туч очистился кусочек неба, и космос проявил себя историей библейского вертепа. Христу сияла лишняя звезда, и я увидел точно же такую. Среди звезд была она собой горда, лучами разгоняя тьму ночную. Тут вспыхнула корона на челе фигуры неизвестного мне пола. Она поднялась ввысь на ангельском крыле, задула в горн, и горн запел у Царского престола. И я узрел: к концу идет история земли, итоги хочет подвести Творец, перевернуть последнюю страницу. От этого виденья я ощутил невероятный страх, тряслись мои поджилки. А как по жизни был здоровьем слаб, свалился я без сил на травянистую подстилку. Рассудок потерял, явились мне пророки всех религий. И принялись кричать про новый дар богов, про человека– идеал, но замолчали вдруг, как к нам спустился странный бог двуликий...

Глава 16.

Дед резко смолк, словно далее с ним происходило то, что он открыть нам не может. Что ж, и за уже услышанное спасибо! Надо отметить, что мне понравилось. Я живо представлял все моменты, словно события происходили со мной. Был вместе с дедом возле «камня», с инопланетным разумом, как и он, обменялся взглядом. Узнал, что происходило во вселенной от начала всех времен, где находятся пригодные для обитания планеты, и какое будущее ждет человеческие организмы. Однако, несмотря на все умение старика держать в напряжении слушателей, я не поверил ему:

– Спасибо, дед, что ты помогаешь коротать дорогу, – широко зевнув, сказал я, – у меня тоже неплохое воображение, но такую фантастику, как у тебя, сочинить не смогу.

– Нет, Славик, я с тобой не согласен! – голосом, словно он председатель конкурса артистов разговорного жанра, и на нем лежит обязанность поставить оценку, принялся выражать свое мнение Олег, – я думаю, что истина в рассказе присутствует. Вспомним факты? – он поднял руку, чтобы иметь возможность загибать пальцы.

Я понял, что друг, боясь скуки, хочет затеять спор, и собрался подыграть ему. Однако тут случилось то, что я давно ждал: сигнал сотовой вышки восстановился, и моя жена дозвонилась. Я обрадовался, услышав Нину. Так устал, что мне хотелось получить от нее немного душевного тепла и поддержки. Но она в своей обычной манере, даже не спросив о моем самочувствии, принялась без остановки говорить, как ей надоело находиться в квартире одной, без мужа. И что мои командировки разрушают ее здоровье. Из-за отсутствия связи со мной она думала о плохом, звонила в окружной госпиталь, и выпила все успокоительные капли в аптечке.

Пока я слушал монолог Нины, выяснилось, что и Татьяна, жена Олега, изводила себя. Чибису стали приходиться написанные ею сообщения. Сначала Олег под нос читал их, а потом перестал, и быстро набрал ответ.

Поскольку Чибис обычно жене грубил, и мне потом приходилось успокаивать ее, я, продолжая слушать свою супругу, тихонечко спросил, зачем он вместо «дорогая» написал в смс-ке «дорогуша». Я не заглядывал в письмо Олега, в своем наушнике услышал гневный женский голос. Это Татьяна пришла из клиники, где лежала на сохранении, провести ночь с сестрой. Но присланный Олегом текст, причинил ей ненужную обиду. И выяснилось, что Чибис специально спровоцировал такой эффект. Услышав мое замечание, он криво ухмыльнулся, словно ждал его, и произнес:

– А я, в отличие от тебя, не потакаю бабскому нытью. И честное слово, не понимаю, почему ты постоянно лезешь в мою семью?

Я сразу пожалел о том, что проявил несдержанность. Мне пришлось сказать Нине, что я занят, веду машину по заснеженной дороге, и дать отбой. Я считал, что так будет лучше. Чибис может обидеться из-за любого слова в моем разговоре с женой (ведь и Татьяна наверняка будет принимать в нем участие), и превратится в совершенно невыносимого человека. Тогда вместо того, чтобы работать, мы будем долго и нудно выяснять отношения.

Я мягко тронул Олега за плечо. Возможно, пожелает друг смягчиться? Чибис хоть и сердито, но все-таки кивнул головой, тем самым восстанавливая наши дружеские отношения. А затем хмуро спросил у старика:

– Нам ехать еще долго?

– Уж скоро! – кратко бросил старец, и чуть погодя добавил странную фразу, – не мне, так верьте предсказаниям богов, и вам за это буду благодарен!

Я понял старика так, что, поскольку мы забыли о нем, он злится на нас, и от этого несет чушь. Я решил в этот раз не улаживать старика, а, наоборот, раззадорить его. Продолжение рассказа нужно было, чтобы отвлечь Чибиса от мрачных мыслей по поводу «неудачного» брака. Поэтому я задал старику такой вопрос:

– Дед, а ты не хочешь убедить нас в достоверности случившегося с тобой? Сообщи уж, что было с тобой дальше?

Глава 17.

Мне удалось интонацией поддеть старика. Он вспыхнул, насколько это вообще возможно в его возрасте, и, выдержав паузу, заговорил дрожащим голосом:

– Могу сказать, что я находился в мире естества, где час неделю длиться может. В реальность вернулся лишь на рассвете: неожиданно услышал звук трактора, открыл глаза, и увидел окруживших меня монтеров. Вцепившись в телефонный столб рукой, по горло я в сугробе находился. Вблизи поляны не было лесной, с обосновавшимся на ней метеоритом. Не знал, как очутился там, где был, но чувствовал себя без сил. Гадал, как не погиб я от мороза, и ощущал, что сердце стало у меня «иным», навек в нем поселилась греза. Вот только тело не сменилось! Я желал иметь другое, вечно молодое, такое, с которым можно жить в космосе. Чужим казалось небо мне, в нём тучи истину скрывали. К галактикам душа меня влекла, осваивать хотел пространственные дали. Я думал лишь о том, что в тайну тайн проник, овации устроят мне народы. Однако принесенный бурей снег преобразил все очертания природы. Искать поляну приходилось убеждать лес знающих монтеров. Я им кричал, что выйдем мы сейчас в астрал, увидим звезды без трубы подзорной. Вот только по всему, монтерам было не впервой такую дикость слушать. Мой сумасшедший вид их так пугал, что им хотелось поскорей обратно. Все повторяли: «да ты же не в себе!», и под руки держали деликатно. Я ни за что не мог их убедить...

– Постой! – я с удивлением воскликнул, – неужели, уговаривая людей искать «камень», ты не спросил их о своем приятеле, Николае? С ним-то что произошло?

От моего вопроса дед стушевался. Было заметно, как потяжелели его мысли. «Не будет больше с нами говорить!» – подумал я, переглянувшись с Олегом. Но мое интуитивное предположение, что старик исповедуется нам, подтвердилось. Он продолжил тихим голосом:

– Вы правы, не вспомнил я тогда о Коле. А ведь исчез в ту ночь приятель мой, и не нашли мы даже мотоцикла. С тех пор во сне моем он просит дать ему покой, однако же молчит, где смерть его настигла. Но я в больницу после случая попал, лечить меня взялись в родной столице. Не скоро так устроились дела, чтоб назначения в район добился. Бригада, что нашла меня, здоровье водкой подорвала. К приезду моему «жить приказала». И не осталось никого, кто мог мне рассказать о зоне. И вот теперь, страдая жуткою тоской, по кратным «колдовскому бою» числам, пытаюсь разыскать я Колю, сколько было жизни. На «клятый треугольник» становлюсь, и нахожу в нем старую дорогу. Вдоль линии заброшенной бреду, молясь живущему на зоне богу. Высоковольтки сгнившие столбы, как телефонные, мне все известны. Но многолетние мои труды грустны – былых следов того, что тут ищу, я не заметил. Однако иногда, в особой тишине, при очень ясной, солнечной погоде, я будто вижу в дальней стороне: стоит приятель мой... из снежной плоти! Он словно бы зовет меня к себе, со мною хочет страшной тайной поделиться. Я не жалея ног, бегу к нему, желая повиниться. Но лишь оптический обман здесь нахожу. Смеется зона надо мной, как было в пору нашей первой встречи. Вновь возникает звук помехи злой, на уши давит и лишает речи!.. – у старца дернулась щека, он опустил глаза и прослезился.

Глава 18.

В этот момент на обочине мы увидели указатель. Я круто повернул на перекрестке, от чего нас порядочно потрянуло. К счастью, обошлось без происшествий, и через несколько минут наш автомобиль въехал в Дальний.

Следует отметить, что мы часто бываем в военных городках. Они все похожи, и, как правило, невзрачны. Но этот поселок, наверное, после темной дороги, произвел на нас очень благоприятное впечатление. Он состоял из многоэтажек с ярко горящими, словно приглашающих в гости, окнами. Несмотря на поздний час, между домами и во дворах, группами гуляла молодежь.

У меня улучшилось настроение, когда до нас донесся смех и наигрыш гармошки. Олег (позабыв о зубной боли) улыбнулся и сказал:

– Умеют в деревне веселиться!

Было приятно ехать по улице Центральной, с ее частыми фонарями и роскошными елями, украшенными электрическими гирляндами по последнему слову техники. Деревья сверкали от самого низа и до макушки, и чем-то напоминали елки в Москве. Я не удержался и сделал несколько фотографий.

– Такое впечатление, что жители празднуют новый год! А ведь до него еще неделя сроку! – задумчиво произнес Олег.

– Может быть, здесь католики живут? Те, рождество пораньше отмечают! – сказал я, и посмотрел в зеркало заднего обзора на старика. У меня возникло желание задать ему вопрос о составе населения. Но я увидел, что наш попутчик сполз на сидение и безвольно лежит на боку. Поскольку он был очень толст, его неестественная поза вызывала волнение. Я издал тревожный возглас, от которого Олег обернулся.

– Старик плох, надо срочно в больницу! – растерянно констатировал он досадный факт.

Кстати я заметил впереди здание с красным крестом на фасаде. К сожалению, стоянка перед ним была забита, и нам пришлось встать далеко от входа. Я ослабил молнию на куртке старика, чтобы ему дышалось легче, и мы, кряхтя от тяжести, опять потащили его на своих плечах. Снег на нашем пути был сильно утоптан, а крыльцо настолько скользким от покрывающего его льда, что ноги разъезжались сами собой. Олег принялся ворчать:

– Неужели местные коммунальщики не могут посыпать солью?

Внутри здания нас удивил широкий коридор, битком заполненный больными, как будто в поселке случилась эпидемия. Я испугался возможности подцепить заразу, но, присмотревшись, понял, что собралась хроника, и нам ничего не грозит.

Тогда я стал волноваться за старика. В такой ситуации очередь к врачу дойдет до него не скоро. А он, хотя мы усадили его на свободный стул ровно, не мог сидеть, так и норовил упасть. Олег принялся лихорадочно смотреть по сторонам, пытаясь понять, что можно сделать в такой ситуации.

Худенький мальчик лет шести, сидящий на коленях матери, вдруг ткнул в нас пальцем, и с детской непосредственностью закричал на весь коридор:

– Смотрите, шаман! Шаман!

Мать заставила сына опустить руку, легонько ударив по ней, а затем произнесла протяжным голосом фразу, в которой слышался скрытый смысл:

– Простите, сын не знает, кто есть кто!

Мы оторопели. А люди в коридоре, после такого странного извинения, начали разглядывать нас, каждого в отдельности. Я предположил, что их больше интересует старик, и посмотрел на него. Я поразился, до чего он побелел. Казалось, смерть его близка, душой уже потусторонний мир владеет. К тому же дед излучал какой-то магнетизм, с ним рядом находиться было неприятно.

– Мы не можем больше ждать, нам нужен срочно врач! – сказал Олег. Он направился к двери с табличкой «доктор», и при отсутствии других идей, стал сильно колотить по затемненным стеклам.

Глава 19.

Почти тотчас к нам вышла женщина, по возрасту, давно пенсионерка. Такая, как я скажу, вся из себя «особа». И, будучи искусственно добра, спросила Чибиса, зачем бушует в нем такая злоба:

– Остались только я и медсестра, весь персонал больницы сократили. И если нас такие посетители, как вы, до «ручки» доведут, к кому вам обращаться – «помогите»? Так что, товарищ, прекратите свой дурацкий стук, он только отвлекает от работы. Здесь и без вас больным хватает мук, не раздражайте их и нас, поймите, что вне очереди лезут только дураки и идиоты!

Под натиском врача Олег не сник, и, не давай ей уйти, ответил:

– Не стоит вам переходить на крик, ведь я не меньше вас могу быть вреден. Поймите мой мотив. Здесь может помереть старик, и того наш диалог, по сути, бесполезен! За спором потеряем мы момент, и в результате будет нужен гробовщик, венки, и книга поминальных песен. Из тех, кто в очереди вашу помощь ждет, никто, я вижу, не собирается в могилу. Но если на глазах у всех старик умрет, то вам не лишне будет и всплакнуть, когда в полиции поймут, что вы виновны в смерти человека. Да и уверен я, что пропадет весь гонор ваш, когда я напишу про случай в интернете!

На медработника «в годах» слова Олега не оказали действия большого. Она поправила халат, как говоря: «а мне плевать на вашего больного». И лишь затем пенсионерки взгляд косою, был с недовольной миной брошен в старика, виновника столь неприятного ей разговора. Реакцию врача мне сложно описать. Вначале, она просто обомлела. Сменилось выражение ее лица. Оно, из очень бледного, как стало бело– бело.

Установилась в коридоре тишина, внимание людей приковано к старухе. Я понял вдруг, что много значит тут она. Над белоснежной шапочкой ее, как будто тучей выются духи. Я ощутил, как все, гипноз ее движений. И то, что не посмеет здесь никто, нарушить ей всё торжество мгновения. Я зачарованно смотрел, с какой усмешкой на губах взяла пенсионерка от стены каталку. Сбылось, что виделось в мечтах. Старик, лишенный сил, подвержен будет ее власти.

По коридору врач не шла, стуча об пол своими каблуками. С ужасным видом гарпия по воздуху плыла, начальствуя над нашими глазами. Она могла продлить кому-то жизнь, или

окончить ее раньше срока. Подвластны были ей часы судьбы, что тикают над головой любого. Я потрясен был изменениям в ней, и если откровенно, растерялся. Мне показалось, в помещении стало холодней, а людям откровенно страшно.

В такой момент я вздрогнул от того, что кто-то слабо сжал мое запястье. Я опустил глаза. Очнувшись внезапно стариком так выразилась просьба об участии. Увидел страх в его зрачках, врача старик боялся больше смерти. Мне стало старца откровенно жаль, к нему я без раздумий наклонился. Чтоб он поведал мне про ту печаль, что вызывает в нем больница. Но услышал:

– Возьми, теперь твоё! – чуть различимый в коридоре шепот. Я перстень увидел, на нем витие необычайно сложного узора. А также был у старика блокнот, держал его, и перстень на ладони. Я знать бы не желал про то «добро», при обстоятельствах других, конечно, отказался. Но только тут стоял вопрос остро: дед выглядел, как будто с жизнью расставался.

Надежда у него в глазах была, он жаждал от меня успокоения. И я не выдержал – моя рука взяла его блокнот и украшение. Я тихо вещи положил в карман, надеясь, что никто не видит. Но все заметил «мамин» мальчуган, и громким голосом своим, дал действиями моим плохой эпитет.

Услышала слова мальчика к нам подошедшая старуха. И гневные глаза врача, размером с пол лица, вселить в меня пытались ужас. Я натиск выдержал ее, хотя и покраснел немного, когда с Олегом положил в каталку пациента возрастного. Мне показалось, что любой предмет, который был у старика, она имеет желала. Не зря его зовут шаманом? Старик отдал мне важный амулет, а с ним и даром колдовства расстался? Мне как, врачу сказать: «не получил таланта ворожить, и даже не пытался»? Блокнот и перстень – это чепуха, у старца помутнение рассудка. Он от того, что я его в поселок вёз, в знак благодарности, надумал подарить мне безделушки!

Любой ценой хотела вызнать правду врач. Она смотрела на меня, и вроде как заклятие шептала. Но тут ей сильно помешали: вошел в больницу старший лейтенант, к нам подошел, и сразу же потребовал, чтоб мы ему свои бумаги показали.

Глава 20.

Новое действующее лицо изменило ситуацию. Мы стряхнули с себя легкое оцепенение, в которое нас ввела старая ворожея, и вышли за лейтенантом в просторный тепловой тамбур, где наш разговор не могли слышать посторонние.

Старлей располагающе улыбнулся и задал вопрос:

– Ведь это вы приехали от пропускного пункта, что находится на въезде в зону? В «дежурку» части позвонил майор, и сообщил об очень странных типах, которые неслись во весь опор, пытаясь не увязнуть в снежных глыбах. А на сиденье сзади, сидел «шаман» у них.

Лейтенант напомнил нам о старике, и мы сразу обернулись, желая узнать, что происходит в коридоре. Как там наш дед, жив еще, не умер? Мы увидели, что каталки с ним и врача уже нет, а люди в очереди забыли о нашем существовании и заняты своими мыслями.

– Конечно, надо быть настороже, не зря зовут вас «спец войсками»! – пространно «поддакнул» речи лейтенанта я, и поинтересовался, – а как вы поняли, что мы находимся в больнице?

– Очень просто, – охотно принялся объяснять служивый, – у нас на мониторах весь поселок. А на машинах камера берет, издалека и в темноте, регистрационный номер. Я заметил вас еще на въезде, а затем проследил, где вы остановились. Мне стало понятно, что у вас что-то случилось, я пошел сюда, к вам. Однако в пути меня отвлекли другие дела, и я немного задержался. Но теперь я рад, что мы, наконец, встретились. Мне хочется быстрее закончить с формальностями и вернуться в уютное помещение дежурной части. Если честно, я страдаю от гриппа, и чувствую себя нехорошо! – Закончив говорить, лейтенант положил на язык таблетку, и, убедившись, что лекарственная упаковка пуста, с сожалением выбросил ее.

– Может быть, стоит показаться врачу? – спросил я в надежде на то, что он согласится, и мы получим возможность справиться о старике. Меня буквально «грызло» беспокойство о нем.

– Сегодня здесь народу ... – заглянув в коридор, произнес лейтенант, – пробраться к приемному покою практически невозможно. Граждане со мной ругаться будут так, словно стоят в очереди за хлебом. И буду я неправ, ввязавшись с ними в перепалку. У меня много хлопот, я не могу на разговоры время тратить. Пожалуй, отложу заботу о здоровье на потом.

Мне стало понятно, что сейчас узнать о состоянии старика у нас не получится, и я с некоторым вызовом произнес:

– А кто виноват, что в поселке нет медработников? Почему жители не добиваются, чтобы штат больницы был укомплектован?

– Вы ничего не знаете о России, москвичи! – Рассмеялся старлей. – Такая ситуация по всей стране, нигде бесплатной медицины не осталось. И вынужден народ, поскольку нищ, искать альтернативное лечение. Он едет в медучреждение, где две пенсионерки по ночам, любую хворь за полчаса отшепчут!

– Прикажете всем верить «темным» чудесам, забыть о консультации врачебной? – задал я риторический вопрос, затем с ехидцей спросил, – а не из Карпово ль вам черт принес столь «исцеляющее счастье»?

– На ведьм я понял ваш намек, однако рады мы, что их имеем! – сказал служивый мне в упрек, затем добавил – и да, когда решили в заповеднике создать военный полигон, переселили жителей в поселок. Но сохранилась ворожба, и стала даже лучше в новом месте. Теперь она известна в крупных городах, сюда, кто только из «верхов» не ездит!

Глава 21.

Содержание речи лейтенанта лишь усилило мою тревогу, и я сказал:

– Хворь старика не очень-то легка, и ты меня не обнадежил! Вы можете тут принимать целебный лунный свет, и верить в то, что лечит все болезни матушка – природа. Вот только в толк я не возьму никак: при ваших суевериях, дотянет дед, хотя бы до восхода?

– Вы не волнуйтесь так, у нас по общим правилам, лечить умеют. И если надо будет, врач позовет медпомощь из райцентра. В больнице нашей борются за жизни пациентов! – обиделся за выраженный мною скепсис лейтенант. Стал вид служивого суров, по лбу пошли морщинистые складки, во взгляде вдруг возник официоз, которого в войсках всегда в достатке.

Я замолчал. Притих и лейтенант, мой паспорт изучая. Спустя минуту он спросил:

– Скажите, Вячеслав Жарков, кем вам приходится старик?

Я не понял его вопроса. Счел, что от принятой таблетки лейтенант «поплыл». А он продолжил интересоваться:

– Не знаете о степени родства? Но ведь о нем, нетрудно догадаться! Ведь дед – ваш полный тезка, Вячеслав Жарков! Вы имя у попутчика спросили, когда его везли?

– Нет! – Растерянно ответил я, потом сказал, – его «шаманом» кличут все, я думал, что прозвище он получил благодаря фамилии!

– Да дед всю жизнь был «не в себе»! – Наш собеседник криво усмехнулся. – Но года с три, совсем сошел с ума. Вот и прилипла к нему кличка... а впрочем, мне без разницы. Моя забота – порядок в Дальнем охранять. – Сказал старлей, и взял другой, из рук Олега, паспорт.

– Я вижу, ты в райцентре нашем проживал? – неожиданно спросил он Чибиса о том, о чём, по долгу службы, и знать-то не обязан.

– Да, было дело. Когда младенцем был! – помедлив, нехотя мой друг ответил.

Глава 22.

Ответ удивил меня. Я с недоумением посмотрел на Чибиса и спросил:

– А и я не знал, откуда ты родом, хотя и дружим со студенческой скамьи! Почему ты никогда не говорил мне?

Чибис стал медленно, но верно краснеть. Похоже, он хотел, чтобы место его рождения и дальше оставалось неизвестным. Но мой взгляд вынуждал, и Олег с большой неохотой принялся говорить:

– Мать вышла замуж с младенцем на руках. Генерал мне не отец, а отчим. Эскадрилья, в которой он начинал службу, базировалась на стратегическом аэродроме возле Обнинска. По стечению обстоятельств, мать там же трудилась поваром на кухне. Со стороны, наверное, трудно было понять, почему отчим обратил на нее внимание. Наверное, потому, что мама обладала удивительной душевной теплотой. Надо сказать, что и я вначале не понимал их отношений, не признавал в легчике отца. По наущению посторонних людей считал, что ему нужна стряпуха. Но с годами признал, что он любит ее всем сердцем. Военная служба бросала отчима по разным странам и горячим точкам, и в том, что он честью выполнял свой долг, есть немалая заслуга моей матери. Они всегда были вместе, она неустанно поддерживала его. Но когда, после необъяснимой смерти жены, отчима послали на Дальний Восток, он, оставшись один, стал пить. По былым заслугам ему разрешили дослужить в звании, но, по сути, он лишился должности. Своей схожестью с матерью я напоминал генералу о жене, и, хотя он не говорил, я чувствовал, что ему тяжело видеть меня. Поэтому после того, как я отслужил срочную службу, он настоял, чтобы я улетел в Москву. Учится, все равно на кого. Подспудно преследовал еще одну цель – не хотел, чтобы я видел, как он деградирует. Считал, что на таком расстоянии слухи не доходят. Это в наш-то, век интернета! Ну да ладно, я доволен, как все сложилось. Жизнь в Москве и работа мне по нраву. Однако, вот, дала моя судьба виток, и вновь я, на сороковом десятке, стою на малой родине своей, хотя уж позабыл, откуда родом. По крайней мере, я не рос «ничей», и не провел года, как ты, в детдоме! Поэтому я умолчал тот факт, что вызвал у тебя недоумение. Мне не хотелось лишний раз рассказывать о своей семье, и тем самым вызывать сочувствие. А ты, Славик, никогда не задумывался, почему вышло так, что мы сдружились? Едва познакомившись с тобой, я сразу понял, как нелегко пришлось тебе, в семье приемной, быть за сына! Что у меня мать мало пожила, что и твоя, без времени скончалась. Казалось, тайны их могила унесла, но знать нам своих родных, всегда мечталось. Ты помнишь день, как я с тобой за парту сел, придя в университет на нулевые курсы? Мы говорили не об исследовании наук, а о депрессии, что есть в сиротстве. Желал ты знать, как побороть уныния недуг!

Настал мой черед краснеть и ощущать себя неловко. Еще бы, спустя столько лет, я неожиданно услышал от Чибиса, на чем основываются наши отношения. Однако тут заметил, что смотрит лейтенант на нас в упор, и неуёмно тешит любопытство. Я сразу решил, что этот разговор пока что должен прекратиться. Олегу сделал жест (мол, лучше позже всё обсудим), и офицеру документы дал прочесть, чтоб разговор вернулся к теме.

Опять служивый долго морщил лоб, потом сказал:

– Я смысл не понимаю! Зачем послали вас? Нам, неизвестны сложностью со связью!

– Да как же так, тому свидетель я, что на дороге не было сигнала! А ведь в наш век без связи жить нельзя! – с возмущением сказал я.

Глава 23.

– А все-таки, приехали вы зря! – решил нам повторить военный. При этом его лицо потеряло всяческую дружелюбность, и стало выглядеть, как у человека, который непременно хочет что-то доказать. – Хоть много кроется на зоне разных тайн, одна из них не прячется под «грифом». Я поясню: метеорит упал на этот край. Да– да, мы не считаем это мифом. Пусть он пока не найден, есть факты. Ведь всем известно, что в здешнем небе странные огни, и изменяется вода в озерах. Особенно, что как-то испускает излученье. Его источник обнаружить нелегко, поэтому проводим тут ученья. На них радаром ловим все радиоволны. Но временной отрезок мал, и данные от этого неполны. За разом раз колонна тягачей идет по нужному маршруту, «прощупывая» водную среду, ища метеоритную структуру. Но только, несмотря на все попытки, чинит препятствия вода. Да и другие трудности, в избытке. К примеру, нам мешает

частота от вышек телефонной связи. И потому сегодня, кроме вас, от отключения многие страдали. Однако цель эксперимента была вперед оглашена, и о «поломке», говорю лишь с вами. Поэтому вполне уместно задаю вопрос: зачем приехали вы к нам, у нас ведь все в порядке! Начальство ваше знало, у нашей связи нет нужды в наладке.

Лейтенанту, удалось нас поразить. От слов его, мы растерялись сильно. Почти что сутки провели в пути, а он нам говорит, что мы приехали напрасно!

Олег схватил лист командировки, и принялся внимательно его разглядывать. Казалось, что Чибис взглядом прожжет в нем дыры. Резкая реакция друга удивила меня. Ну, послали нас по ошибке. Это очень неприятно, но, что теперь поделаешь!

– Как описал план действий наш гебист! Одним, причём корявым, завиточком! Конечно, он давно уж не связист, но должен знать, зачем послал проверить «точку»! – Сказал Чибис, и спросил у меня, – когда ты это направление получал, был разговор с тобой, в чем цель визита?

Лицо Олега выражало возмущение. Он показал мне пустую страницу, на которой обычно пишут задание. Сегодня утром Чибис выполнял долг мужа, возил жену в специализированную лабораторию для забора анализов. Доктора задержали супругов, и к началу трудового дня я один, без Олега, пришел в нашу «контору». Поэтому Чибис не знал, как начиналась командировка.

Я принялся рассказывать:

– Бумаги я получил на проходной, я даже не заходил на территорию. Разумеется, то, что нас отправили без инструктажа, случилось впервые. Но я думаю, это сделано для того, чтобы мы сами, на месте, сообразили, чем можем быть полезны. И предложили военным попробовать передовые технологии нашей конторы. Может быть, вместе получится отыскать метеорит? Не вечно же ему, в воде скрываться!

– Ха-ха! – громко рассмеялся лейтенант, – а самомнение у вас, москвичи, в полном порядке! Насколько я понимаю, вы занимаетесь новыми видами связи. Однако собираетесь помочь в вопросе, ответ на который, уж поверьте мне, ищут умы, более вашего. Да разве такая наивность, не смешна?

– В конторе будто знали, что выкажут военные нам скепсис, – я вежливо, хотя в душе и закипело от обиды за наши возможности, сказал, – и потому, желая оградить от ваших реплик, заполнили командировочное задание по минимуму. Глядя на вас, я убеждаюсь, что это было правильное решение. Поверьте на слово, мы способны вести сложнейшую научную работу, и творчески мыслить. Вот, с ходу вас спрошу: а пробовал ваш инженер использовать для поиска сигналов вышку связи? Ее железный остов, например? Хватает ли антеннам вашим, массы? Старик в дороге длинной рассказал, что в восьмидесятых сигнал трещал в воздушных линиях всего участка. Можно предположить, что это случилось из-за огромной длины проводов по территории заповедника, а вовсе не по причине мощности сигнала. Возможно, я не прав, однако вы все равно не знаете, что вам делать дальше. И если не хотите, чтоб проект закрыл генштаб, менять вам нужно что-то кардинально! Конечно, мы для вас не шанс. При всем старании, и не поможем. Но вдруг найдем технический нюанс, который не окажется ничтожен?

Глава 24.

Своей речью я сумел впечатлить лейтенанта, усмешка покинула его лицо.

– Знаете, от меня мало что зависит. Пожалуй, я позвоню к командиру части, и доложу о нашем разговоре! – сказал он после краткого раздумья.

Своеобразно помахав нам пальцами руки, лейтенант вышел из медпункта на крыльцо, и стал нажимать кнопки на смартфоне. Движения у служивого были разболтанные, впрочем, как и он сам. В нем чувствовалось отсутствие хорошей войсковой выучки. Словно старлей в армии недавно, и по стечению обстоятельств. Поэтому Чибис, не удержавшись, бросил ему вдогонку жаргонное словцо, по смыслу близкое к «стиляга». А затем спросил у меня:

– Славик, ты собираешься искать метеорит? – друг был удивлен тем, что я что-то обещаю, когда реальных возможностей у нас мало. Однако разговор с лейтенантом подводил нас к тому, что мы теперь должны вернуться в Москву. Но это казалось мне невозможным: я очень беспокоился о старике. Я желал задержаться и узнать о его дальнейшей судьбе. Дед отдал вещи, которыми дорожил, мне хотелось их вернуть. Если не ему самому, то, на худой конец, его наследникам. Так же не давала покоя мысль, что нас свело провидение. Я думал выяснить, правда ли это. Имелись и другие причины, по которым я считал нужным остаться. Я принялся говорить о них Чибису:

– Руководство не признается, что напутало с командировкой, и переложит вину на нас. Поэтому, если приехали, эксплуатацию следует проверить. Кроме того, нам просто выгодно, чтобы командировка прошла обычным порядком. Получим положенную премию и суточные, в противном случае, ничего. Только если будем работать, для передвижения между вышками связи понадобится снегоход. И чтобы заполучить его, я и затеял разговор о розыске метеорита. Военные хватаются за любую техническую возможность, и пойдут нам навстречу. Однако обещать – не сделать. Заметим что-нибудь необычное, доложим. Если нет, ну, так нет. Во всяком случае, свои обязанности точно выполним!

Олег провел рукой по волосам и эмоционально поднял брови. Этим он обычно сообщал, что у него есть мнение. Я захотел спросить, какое, но не успел.

– Я не совсем понял вашу инженерную специализацию, – сказал старлей, вернувшись в тамбур, – но смог довести до сознания командира, что вы поможете нам способ поиска улучшить. Я получил приказ оказать вам полное содействие. Конечно, вы правы в том, что раньше импульс был сильней. По рассказам, наушник в старом телефоне звуком бил «трескучим»! Мне известно, что дед даже сделал запись на магнитную пленку, чем поспособствовал созданию зоны. А, кстати, в дороге он подробно рассказал, что было с ним когда-то ночью в зоне? – спросил наш собеседник, и переменился лицом на крохотную долю секунды. Но я все равно успел заметить в нём схожесть с врачом приемного покоя. Я понял, что ему, как и ей, давние события покою не дают.

Не желая более терпеть пристальный взгляд лейтенанта, я отвернулся. И к своему удивлению обнаружил, что очередь тоже наблюдает за нами. Внимание незнакомых людей смутило меня, и я, не придумав, как лучше ответить служивому, неопределенно произнёс:

– Дорога не отмечена на карте, занесена снегом. Машина постоянно рыскала, грозила слететь в кювет. Старик говорил много чего, но большую часть его слов я не запомнил. – Я словно бы ответил лейтенанту, и тоже время – нет.

– Что ж, когда водителю тяжело, ему ни до чего нет дела! – с сарказмом произнес старлей. Он вновь криво усмехнулся, и будто ненароком глянул на мой карман, где лежал блокнот старика. А потом зашагал к выходу, сделав знак рукой, чтобы мы следовали за ним.

Олег сразу двинулся следом. Мы более не могли находиться в больнице, нам следовало оформиться на постой, и после короткого отдыха заняться работой. Я посмотрел в сторону приёмного покоя и подумал, что отсутствие информации, наверное, хороший признак. С объявлением смерти не тянут. Значит, дед жив. Утром следует зайти сюда и справиться о его здоровье.

Олег и лейтенант сошли с крыльца, закурили, затеяли неспешную беседу. Я понял, что они ожидают меня. Отругав себя за медлительность, я резко толкнул дверь и выскочил наружу. На крыльце я едва не сбил с ног невысокую старушку в телогрейке и пуховом платке. Я от чего-то решил, что это местный дворник. Она сыпала соль на ступеньки, зачерпывая ее большой мозолистой ладонью из висящего на поясе пластикового пакета. Я пробормотал извинения, косясь на огромную, свирепого вида собаку, которая стояла рядом со старушкой. Животное угрожающе зарычало, но, едва мне показалось, что укусит, неожиданно вильнуло хвостом и

облизало мою руку. Видимо, такое поведение было нехарактерно для собаки: женщина заинтересовалась мною, и, желая лучше рассмотреть, свободной рукой откинула платок со лба.

От ее лица, хоть и морщинистого, но румяного от мороза, повеяло чем-то родным. Накопившаяся усталость и раздражение отступили, на сердце стало легко и радостно, как при встрече с близким человеком, которого у меня никогда не было. Неожиданно для себя, я широко улыбнулся. Глаза женщины вспыхнули внутренним светом ее души, и она, внимательно глядя на меня, чуть слышно прошептала:

– Ты приехал!..

Глава 25.

Олег заметил, что я замешкался, и раздраженно окликнул меня:

– Скоро ты там?

Они уже пошли по пешеходной дорожке, блестящей в искусственном свете фонарей поселка. Повторно извинившись перед старушкой, я бросился догонять их. Однако через пару шагов оказалось, что ноги ужасно скользят. Причем гораздо сильнее, чем было тогда, когда мы несли старика.

– Старая шизофреничка! – выругался лейтенант по этому поводу, – опять юродствует!

Я вначале не понял, кого служивый имеет в виду. Потом догадался: старушка сыпала соль не для того, чтобы очистить дорожку ото льда. Она желала образовать сверху пленку воды, мешающую при ходьбе. Зачем ей это?

Я вспомнил, что соль издавна используют в деревнях, как средство от нечистой силы. Старушка пытается показать ведущей прием ведьме, что с ее практикой кто-то борется? Я пожалел, что не рассмотрел женщину лучше, и обернулся. Но крыльцо уже опустело. Лишь подъехавший посетитель, вслух ругая коммунальщиков, как это делали мы, пытался войти в медучреждение. Я тяжело вздохнул и подумал, что загадок становится все больше.

– У нас ведь машина есть, почему мы идем пешком? – спросил я.

– Центр поселка временно закрыт для автотранспорта. – Сказал Олег, уже успевший получить ответ на этот вопрос. Друг слабо махнул рукой, чтобы я не мешал ему слушать лейтенанта. Я заметил, что Чибис угостил служивого модным увлечением московских курильщиков – доминиканской сигареллой, и лейтенант значительно подобрел. Он охотно вел рассказ, начало которого я пропустил:

– В Карпово издавна было два основных рода – Чибисов и Жарковых. (Услышав такое, я не поверил своим ушам, но не стал уточнять, просто продолжил слушать дальше.) Они всегда жили в согласии, и занимались общим ремеслом – ведовством. Пока одна из Жарковых, в сорок втором, не вышла замуж за Александра Гросса, высокопоставленного офицера СС.

– Да разве такое возможно? – почти хором произнесли мы, недоверчиво глядя на старлея.

– Вначале я и сам не поверил. Но факт имеет место быть! Это произошло, когда к передовым частям вермахта под Москвой пробивался отряд немцев специального назначения. Военной судьбой отряд занесло в наш район, на проходящую через Карпово дорогу. Советское командование на всякий случай держало в деревне заслон, который пал геройской смертью в том бою. Однако немцев уничтожил не он, а невиданной силы ураган, якобы вызванный колдовством Карповских ведьм. Выжил только командир немецкого отряда, упомянутой мною Гросс. Он успел сразу после боя жениться на местной девушке, и по фамилии жены стал называться Александром Жарковым. Наверное, поэтому жители Карпово не дали ему замерзнуть. В результате на генеалогическом древе Жарковых образовалась ветвь, находящаяся в конфликте как со своим родом, так с родом Чибисов. В Германии Гросс был членом мистического общества при Гитлере. В России же настолько сменил убеждения, что после лагеря, где ссыльный митрополит рукоположил Александра, стал служить православным батюшкой в нашем райцентре. Молва утверждает, что на литургии сподобился посещения Царицы Небесной. Хотя имел скверный характер и считался мелким склочником. Народ не любил его за то,

что он запрещал ходить к знахаркам. Это при нашей-то медицине! Отстраненный от настоятельства по выдуманной неадекватности, скончался батюшка Александр в нищете и безызвестности. Поэтому вспоминают о нем неохотно, и только тогда, когда в этом есть необходимость. Я вам рассказал его историю, чтобы вы поняли, почему та сумасшедшая крутится возле больницы. Она потомок Александра Гросса, и считает своим долгом продолжать его дело. Чего только не вытворяет! Мы пытались привлечь ее за мелкое хулиганство, но у нее справка о невменяемости. Обычно все ее «художества» заканчиваются непродолжительным лечением в стационаре Обнинска, после которого ее отпускают. – Закончил говорить старлей.

Глава 26.

Лейтенант не без умысла рассказал нам историю местных родов. Он продолжал испытывать нас, что вызывало к нему негативное отношение. Вместо эмоционального контакта, на который служивый, по все видимости, рассчитывал, мы все больше замыкались в себе. Трудно сказать, как мог сложиться дальше наш разговор. Возможно, мы, в конце концов, нагрубили бы лейтенанту за его бестактность. Но в этот момент нашему взгляду предстало нечто такое, что заставило обо всем забыть.

Мы увидели большую площадь, частично занятую новенькими автобусами и специальными машинами с надписями на бортах «Мосфильм» и «Телевидение». А так же добротный дом культуры, с крыши которого слепили глаза прожектора. В их ярком, почти дневном свете, рабочие возводили по периметру здания декорации.

– Ну и как вам? – очертив площадь рукой, произнес лейтенант так важно, словно он здесь главный.

– В поселке кино снимают? – изумленно спросил я. – И о чем же?

– Не совсем кино! По заказу министерства обороны, сериал в стиле нон фикшн. Он будет о том, почему захлебнулось фашистское наступление на Москву. В некоторых сериях присутствуют эпизоды, рассказывающие о судьбах немецких солдат в России. Продюсеру очень понравилась история женитьбы офицера СС на русской девушке, и киногруппа приехала к нам. Ведь на «натуре» снимаемые сцены выглядят гораздо достовернее. Естественно, в Карпово мы пустить их не можем, да им туда и не надо. Создателей сериала больше интересует заповедный лес и его неповторимые пейзажи. А этого, много и вокруг поселка. Кстати, в сериале используют мою повесть, которую я недавно опубликовал в интернете. – Сказал лейтенант, не скрывая счастливой улыбки провинциального графомана. Глядя на нее, мне показалось, что я понял природу его интереса к нам, и отчасти простил ему назойливость. У самого где-то завалилась рукопись о детдоме, нуждающаяся в дополнительных материалах.

– И что, теперь много платят за писательский труд? – спросил я.

– Вообще ничего не платят, даже именитым писателям, – со вздохом произнес служивый, – как автор, я могу рассчитывать лишь на то, что о моем произведении упомянут в титрах.

– А смысл, тогда, писать? – с недоумением спросил я.

– Возможно, с известностью я найду богатого спонсора, или буду зарабатывать, рекламируя товары в социальных сетях. А может, и нет. Определенное количество людей рождается, чтобы беззаветно служить родине. Я пока на военном поприще, но так же меня влечет и писательская стезя. Еще одна форма самопожертвования. Быть солдатом русского слова, не дать нашему великому и могучему языку пасть под натиском примитивной культуры англосаксов. – Ответил лейтенант.

Я задумался. Конечно, вышло у лейтенанта пафосно, но определенный смысл в его рассуждениях был. Однако Чибису тема нашей беседы показалась слишком заумной, и он, чтобы вернуть нас на «землю», спросил:

– Для чего съемочной группе понадобился дом культуры? Здание современной постройки!

– А, внешний вид изменят при помощи компьютерной графики. Дом культуры нужен для сцен, которые здесь снимать дешевле, чем в Москве. Наши жители согласны участвовать в массовой бесплатной, лишь бы в кино попасть. И ради съемок на природе, за свой счет, приехало много любителей поучаствовать в исторической реконструкции. Так что, обычно в поселке темно и тихо, но сегодня – это что-то! «Голливуд» какой-то! – произнес лейтенант, горделиво сияя лицом.

В это время мы проходили мимо вагончиков для актеров, и я задал вопрос:

– Что, в сериале много ролей?

– Да, причем есть и танцевальные сцены. Ради них балерины Большого приехали, я сам их в общежитие селил! – сказал лейтенант и «гоголем» распрямил плечи, будто уже успел назначить каждой свидание.

А мы переглянулись, что, конечно же, не ускользнуло от взгляда служивого. Однако о месте Большого театра в нашей жизни он знать не мог, а я не считал нужным что-то говорить незнакомому человеку.

К тому же нашему разговору помешал крик, поднятый помрежом, высоким худым мужчиной лет 50-ти. Он был недоволен тем, что рабочие неправильно разместили баннера на фасаде дома культуры. Оправдываясь, бригадир рабочих стал уверять, что разницы между баннерами никакой. Они и в самом деле выглядели, как рисунки из задачки «найди отличия». Но я сразу заметил, в чем их несходство: в узоре из выющихся линий на первом баннере можно было разглядеть звезду, а на втором – свастику.

Сделанное открытие взволновало меня. Я попытался вспомнить, что изображено на затейливом перстне, что подарил мне старик. Однако не смог, и, чтобы освежить память, захотел достать его из кармана. Но лейтенант с таким блеском в глазах стал смотреть за движением моей руки, что я передумал. Вместо перстня извлек из кармана носовой платок и вытер им губы. Служивый сразу вспомнил, что болен гриппом, и принялся надсадно кашлять. Олег поморщился, и потянул меня в сторону, мимикой показывая, что не хочет заразиться.

– Куда это вы? Уже пришли! – тяжело дыша, сказал лейтенант, и показал пальцем на скромную пятиэтажку с выцветшей надписью над входом: общежитие №1.

Одолев перекошенное крыльцо и разбитый тамбур, мы оказались в слабо освещенном коридоре, по которому лейтенант провел нас в комнату на первом этаже. Вид у комнаты был нежилой, однако радовало то, что есть застеленные кровати. Лейтенант извиняющимся голосом сказал, что другого жилья у него нет. Если сегодня в поселок еще кто-то приедет, селить придется уже в солдатской казарме.

– Ничего, мы привыкшие, нам и такое сойдет! – сказал Чибис. Он с наслаждением скинул ботинки, как был, в одежде, упал на кровать, и направил уставший взгляд в покрытый сигаретной копотью потолок. При этом металлическая сетка прогнулась под ним, как веревочный гамак.

– Да, лучше не раздеваться. У нас, из экономии, топят плохо, – сказал лейтенант, стоя на выходе.

Его общество так надоело нам, что я раздраженно сказал:

– Шел бы уже. Мало того, что холодно, так ты еще сильнее выхолаживаешь!

– Да, да, конечно! – продолжая стоять на месте, произнес лейтенант. Он почему-то искалечно смотрел в сторону Олега, словно хотел понять, доволен ли Чибис оказанным приемом. От этого у меня возникло странное ощущение, что они о чем-то без меня договорились. Которое, впрочем, быстро прошло.

Мой сердитый взгляд, наконец, заставил лейтенанта принять решение. Переступив с ноги на ногу, он оставил на тумбочке визитку, закрыл дверь, и ушел, громко чихая в коридоре.

Глава 27.

– Надо к машине за сумками сходить, – нерешительно сказал я.

– Как отдохнем, сходим, – усталым голосом произнес Олег, – спать я могу и без зубной щетки, а других вещей у меня, практически нет. Ведь мы ненадолго приехали!

– Хорошо! – согласился я, и по примеру Олега, в куртке, осторожно улегся на кровать, предполагая, что она тоже подо мной прогнется. Только меня поджидала неожиданность: на кровати отсутствовала сетка. Ее заменял толстый лист фанеры, который даже не шелохнулся под моим весом. Лежать было крайне неудобно. Я вспомнил, с какой радостью мы рассматривали военный городок. Вот и верь после этого первому впечатлению! С чего мы решили, что нам здесь обеспечат хорошие условия?

Я стал вертеться, пытаюсь найти удобное положение. Не нашел, тяжело вздохнул, и увидел перед собой пар изо рта – настолько в комнате было холодно. По этой, или по другой причине, сон не шел, как бы я не хотел. Полежав с минуту, я достал из кармана небольшой православный молитвенник в кожаном футляре. Вечернее молитвенное правило всегда помогало мне успокоить нервы. К сожалению, сейчас я только разволновался. На первой странице молитвенника имелась фамилия прежнего владельца – Жарков и его инициалы (неразборчиво, с ума сойти, сколько раз я пытался их разобрать!). Увидев их, я опять погрузился в размышления о загадке своего происхождения.

Кто-то сказал мне, что мальчикам, если отец неизвестен, при оформлении отчества повторяют имя ребенка. Будучи Вячеславом Вячеславовичем, я всегда терзался – так ли это? Теперь, в свете сегодняшних событий, и того, что рассказал лейтенант, мои сомнения вспыхнули с новой силой. Может ли спасенный нами старик быть моим отцом? В принципе, может. А Александр Гросс – дедушкой? И это не исключено. Хотя, подобные надежды всегда заканчивались у меня горьким разочарованием. К тому же, тогда меня с Чибисом связывает не только многолетняя дружба, но и землячество вплоть до родственности, а это, уж совсем невероятно. С другой стороны, наличие в этой местности родов Чибисов и Жарковых – это факт, о котором забыть, или сделать вид, что он малозначителен, уже никак не получится. Похоже, мне и Олегу предстоит узнать много интересного в ближайшее время, я не зря так стремился остаться. И будет очень хорошо, если старик придет в нормальное состояние. Возможно, он сможет многое прояснить. Я захотел обсудить ситуацию с Олегом, но он лежал неподвижно. Похоже, заснул. Позавидовав ему, я мысль унесся в далекое детство.

В моей памяти отсутствовал момент, как я попал в детдом. Я просто знал, что это произошло в возрасте трех лет. К сожалению, мать тоже не припоминалась мне, лишь ее голос. Как она меня нежно звала меня: «Слава, Славушка». Причина, по которой я остался без нее, неизвестна.

Мне с детдомом повезло: это был уютный старинный особняк с яблоневым садом, расположенный на границе Москвы и области. Ужасы, которые мне потом рассказывали о других таких заведениях, у нас не встречались. Наверное, потому, что коллектив воспитателей не менялся на протяжении многих лет. Они любили свою работу и детей, которых проживало в детдоме не так уж и много. Впрочем, Славиков у нас было несколько, и чтобы не запутаться, некоторым дали прозвища. Обидных, среди них я не слышал. Меня называли красивым Славой, или просто красавчиком.

Особенно хорошо ко мне относилась воспитательница Мария Ивановна, пожилая, болезненно полная женщина, страдающая от зоба. Она защищала меня в редких стычках со старшими ребятами, а когда я особенно унывал, брала к себе домой на ночь. Своих детей нянечка не нажила, и, страдая от одиночества, держала в квартире несметное количество кошек, которых подбирала на улице. Про каждую у Марии Ивановны имелась сказка. Она часто рассказывала их, помогая мне не думать о своем сиротстве.

Как-то я расплакался и спросил Марию Ивановну, где моя мама.

– Ее Бог призвал, – ответила воспитательница как можно ласковее, и так, словно ее лично знала, – но мама тебя с неба видит и любит. Веди себя хорошо, не огорчай Бога и ее, будто паинькой.

Но «мой» молитвенник, был со мной, кажется, всегда. Вначале я думал, что его подарила Марья Ивановна. А чтобы я имел утешение в тоске по родителям, придумала историю, что молитвенник – это моя связь с родными. Воспитательница часто молилась перед иконами, и научила меня. Я считал ее очень богобоязненной, хотя позже мне стало казаться, что она не упускает случая и поворожить: на комодке стояла банка со странным порошком, который «лечил от всех болезней» и смешно щетинился, если его бросить на магнит. Марья Ивановна тайно (погасив лампадку перед домашним киотом и прячась от меня) пила его со странным шепотом. Но ничего такого, слава Богу, я у нее не перенял, вырос искренним православным христианином.

С возрастом я обратил внимание, что от кожаного футляра, как и от самой книжицы, исходит очень стойкий запах. Ни в детдоме, ни в квартире Марии Ивановны не имелось ничего, что пахло бы мужским потом, ладаном, и, как мне подсказали, порохом. Как я потом узнал, после войны некоторые деревенские батюшки использовали патронный порох для быстрого розжига угля в кадиле. Теперь эта деталь и то, что фамилия Жарков на странице молитвенника написана отнюдь не женской рукой и шрифтом, похожим на немецкий готический курсив, заставило мне предположить, что в старых инициалах первая буква – А. Ведь Гросса звали Александром! Я посмотрел страницу на просвет, повертел молитвенник так и сяк, но, как и прежде, ничего не разобрал.

Прочитав несколько молитв, я выключил настольную лампу и закрыл глаза, испытывая твердое намерение заснуть. Однако против воли меня опять одолели воспоминания.

Глава 28.

В детдоме все дети хотели, чтобы их усыновили. Можно даже сказать, что мечта о приемных родителях была главной мечтой каждого ребенка. Об этом не говорили громко, скорее шепотом, и только лучшему другу в минуту откровенности. Желание найти семью особенно обострялось, когда наступала пора новогодних праздников. Ведь некоторые дети получали под елку, например, игровые приставки, и другие – дешевые конфеты в государственной упаковке. Было件нятно, что раскошелиться на хороший подарок мог только человек, заинтересованный в ребенке, и от этого сразу вспыхивала безумная надежда. Дети исследовали дорогой подарок по многу раз, пытаясь понять, кто его послал. Но я не помню случая, чтобы без желания дарителя правда открылась. К слову сказать, я был один из тех, что получал такие подарки часто, и порой без всякого повода. В детдоме все были убеждены, что меня скоро усыновят, и я с нетерпением ждал несколько лет подряд.

Но потом пришло понимание, что если это не случилось в младенчестве, то, скорей всего, не случится никогда. Мне помнится, я окончательно разуверился лет так в восемь. Убедил себя, что надежды нет, и перестал об этом думать. Однако в десять неожиданно увидел в нашем саду женщину, которая мною заинтересовалась. Причем довольно своеобразно: она восхитилась не моей внешностью, как обычно поступали все, с кем мне приходилось встречаться, а тем, что я высок для своего возраста, и крепок.

– Какой хороший мальчик! – сказала она, потрогав своими цепкими пальцами мое плотное плечо, – сколько тебе? Одиннадцать? Спортом занимаешься?

– Нет, – сказал я, легко неся к яблоне ведро с водой для полива. Женщина проводила меня взглядом и направилась к заведущей.

В результате я, и еще два ребенка из нашего детдома, попали в семью Вероники и Андрея Ким, где уже имелось двое своих, и четверо приемных детей.

В самом начале я несказанно обрадовался усыновлению. Но потом, месяца через три, ощутил прежнюю, детдомовскую тоску. Нет, не то, чтобы на новом месте ко мне плохо относились. Если честно, гораздо лучше.

Возвращение тоски было связано с образом жизни семьи Ким. Они вели большое крестьянское хозяйство в отдаленном районе Подмосковья, и видели будущее, как своих детей, так и приемных, только в качестве фермеров. Кимы не находили пользы в современной системе обучения, считали школу необходимой лишь отчасти, и категорически запрещали дома «все эти «телевизоры и компьютеры»». После возвращения на школьном автобусе из райцентра, каждый ребенок в семье приступал к выполнению строго установленных для него обязанностей. В которые входили, конечно же, уход за всевозможной живностью, а также обслуживание самого себя, включающее и стирку одежды руками. Помимо того, Андрей Ким учил мальчиков охоте и выживанию в дикой природе, а сама Ким объясняла девочкам, как шить, пользоваться прялкой, и выделывать шкуры.

Супруги Ким не были сектантами. Они искреннее считали, что мир движется к катастрофе современного порядка, и будущее есть лишь у того, кто «крепко стоит на матушке-земле». У них был страх остаться на склоне лет без пенсионного обеспечения, ввиду ожидаемого ими краха государственной машины, и они желали иметь своё и приемное потомство, способное их прокормить. Кимы набирали детей, желая создать что-то вроде русской крестьянской общины 19 века, или сельхоз хозяйственной коммуны по западному образцу.

Мне хуторская жизнь, хотя в самом начале и воспринятая с энтузиазмом, быстро надоела. А спустя три месяца, когда меня, проводя обряд посвящения в охотники, оставили в лесу на ночь, я вообще захотел сбежать обратно, в детдом. Остановила привязанность к девочке, младшей Ким (я не еще не знал, что влюбчив, и не мог понять, что за чувство к ней испытываю). Мне казалось, что человека лучше нее я уже не найду: она гладила меня по щеке и млела, заглядывая в глаза.

Впрочем, объективности ради, у Кимов только я страдал, остальные дети были довольны жизнью. Супруги постоянно устраивали торжества, посвященные различным событиям, где каждого поджидал приятный сюрприз. После того же обряда посвящения, который, как они торжественно объявили в присутствии всей семьи, я с честью выдержал, (что не совсем так: я залез на дерево и до утра дрожал от страха, вместо того чтобы разжечь костер, и у его тепла выпастись в спальном мешке), мне вручили дорогое пневматическое ружье. Оно стреляло так хорошо, что из него легко можно было подбить голубя на ужин. Помню, я неделю не выпускал ружье из рук, но потом оно мне надоело, и тоска опять начала брать свое. А может быть, мне не хватало улиц Москвы, дыхания большого города, или любви, которой так щедро одаривала Марья Ивановна?

Вероника Ким отличалась эмоциональной сухостью. Как-то, в порыве ощутить если не мать, то хотя бы старшую сестру, я прижался к ней, думая, что она приласкает меня. Но она, хоть и обняла, но не смогла выразить свои чувства. Получилось, будто мой порыв неуместен. Возможно, это было действительно так: тогда у Кимов начались крупные неприятности.

Их глухое и ранее никому не нужное землевладение подверглось рейдерской атаке с целью захвата, и, хотя судебное разбирательство только началось, недалеко от нашего дома уже появилась мощная строительная техника. Она принялась ровнять местность под самый большой в Подмосковье мусорный полигон, создаваемый по распоряжению губернатора. Наносимый природе ущерб был неисправим, о каком-либо севообороте и пастбищах не могло быть и речи.

Переселиться Кимы не могли по причине отсутствия денег, и перед главой семьи встал вопрос, что делать с большой семьей. Было очевидно, что никто из детей, когда вырастет, не сможет жить на засыпанной мусором ферме.

В общем, не знаю, как сложилась бы моя судьба, оставайся я у Кимов дальше. Знаю лишь, что сельский житель из меня вряд ли получился. И хорошо, что моя жизнь резко переменялась, когда к нам приехала красивая иностранная машина с большими колесами и блестящей решеткой радиатора.

Глава 29.

Из машины появились незнакомые люди, имевшие в своем составе человека в милицмейской форме, представившегося местным участковым. Но главным был не он, а богато одетая, худенькая женщина с заурядным лицом, на котором выделялись отвратительные «квадратные» очки. Поблескивая их стеклами, она вышла вперед и внимательно осмотрела ферму, при этом задерживая взгляд на том, что, по ее мнению, выглядело неправильным. То есть, практически на всем. Пожалуй, в чем-то женщина была права. С момента появления мусорных компаний Кимы оставили свои строительные начинания, от чего находившиеся на поддонах кирпичи и дорогие материалы имели худой вид, хотя наш дом явно нуждался в них.

Но больше всего внимания женщина уделила не строительному бардаку, а детям, и среди них, как я почувствовал, мне. Мы всей гурьбой ловили во дворе сбежавшего из сарая поросенка, а скорее играли с ним в догонялки, весело перемешивая ногами пахнущую навозом грязь. Весь перепачканный от неоднократных падений, я задорно смеялся, но сразу прекратил, и, в свою очередь, с любопытством посмотрел на женщину.

Она поцокала языком, многозначительно покачала головой в мой адрес, а затем направилась к вышедшим на крыльцо Кимам. Спросила их, можно ли пройти в дом. Кимы привыкли к тому, что губернатор строит козни и постоянно присылает комиссии, поэтому согласились без предварительных расспросов. Естественно, дети собрались возле открытого окна, желая услышать, зачем к нам пожаловали столь важные гости.

Как же все удивились, когда выяснилось, что речь будет идти о моей персоне! Оказалось, что Валерия Ким забыла выправить какие-то бумаги, и, с юридической точки зрения, хоть я и покинул детдом, но пока что Кимами не усыновлен. Это не являлось проблемой, дооформить можно было и потом. Однако лишь при условии, что отсутствует другой претендент на ребенка, который будет расторопнее.

Как гром среди ясного неба прозвучало, что моей приемной матерью не просто хочет стать, а по документам чуть ли уже не стала, женщина в квадратных очках. Чей решительный и громкий, совсем не соответствующий внешности, голос, хорошо был слышен не только в доме, но и во дворе, где мы слушали, открыв рот.

– Вы можете справки из ООН привезти, – хмурясь, произнесла Валерия, – ребенка я вам не отдам. Славик у нас давно живет, мы к нему привыкли, и он к нам привык. Если вы его заберете, у него будет нервный срыв и депрессия, к которой, он и так склонен. Чем она у него закончится, неизвестно. Или вы, Марина Юрьевна, хотите испытать на себе все трудности его подросткового возраста – побег, и все, что с ними связано?

В ответ Марина Юрьевна улыбнулась неподдающейся описанию улыбкой, показывающей, что ее здесь явно недооценивают, и предоставила слово участковому. После него официально юристу детдома, и, под конец, работнику службы социального обеспечения, которая сообщила, что вынуждена приостановить Кимам ежемесячные выплаты на мое содержание.

– Тогда мы будем судиться! – сказала Валерия, и вопросительно посмотрела на мужа. Тот лишь задумчиво почесал затылок, видимо представляя, в какую сумму обойдутся адвокаты и еще один судебный процесс. И это при том, что тяжба с владельцами мусорного полигона уже сильно вымотала его.

– Если вы начнете судебное разбирательство, я сразу подам встречный иск. Так что, не откажетесь от претензий на ребенка, процессов будет много, и все сложные, – словно уловив суть сомнений Андрея Кима, жестко сказала Марина Юрьевна. Похоже, к поездке она подготовилась основательно, и знала о тяжелой ситуации, в которой оказалась ферма и ее владельцы.

После долгой паузы, в которой были слышны только тяжкие вздохи страдающего от похмельного синдрома участкового, Андрей Ким сказал:

– Наш разговор изначально идет не так, как должен. Ведь мальчик уже большой, сам бьет дичь, готовит, убирает за собой. Почти ничем не отличается от взрослого. Мы должны дать ему свободу волеизъявления, и уважать его выбор. Если он хочет и дальше жить с нами, тогда мы будем стоять за него, чего бы нам это не стоило. Но если Славик выберет вас, Марина Юрьевна, что ж! Так тому и быть, мы смиримся! Поэтому давайте сейчас позовем мальчика в соседнюю комнату, и поговорим вчетвером!

– Хорошо! – согласилась Марина Юрьевна, с уважением глядя на хозяина дома. Она не ожидала от него, при всех его заботах, такой стойкости.

Я не был готов к подобному повороту событий. Не знал, как вести себя с незнакомой женщиной. Она вызывала у меня оторопь. Поэтому, когда я оказался в центре взрослого внимания, и под пристальным взглядом Марины Юрьевны, моим самым горячим желанием было категорически отказаться уезжать куда-либо.

Но Марина Юрьевна, видимо, догадывалась, о чем я думаю. Поэтому она с хорошо поставленной актерской улыбкой сказала то, что я совсем не ожидал услышать:

– Славик, ты знаешь, зачем я приехала. Я видела, ты с ребятами слушал под окном. Поэтому скажу то, что ты еще не знаешь: я не посторонняя тебе, я твоя дальняя родственница. Моя фамилия – Жаркова. Я не была знакома с твоей матерью, но слышала о ней от третьих лиц. Я всегда беспокоилась о тебе, ты должен помнить посылаемые мною подарки. Хотя бы на последний день рождения – большого мишку, и красную машинку на пульте управления. Помнишь?

– Помню... – растерянно сказал я, и несмело посмотрел женщине в глаза, пытаюсь понять, насколько она честна. Я всегда думал, что на подарки тратилась Марья Ивановна, но скрывала от меня, что, в общем-то, нелогично по причине их дороговизны. – А почему вы ко мне сами не приходили? – повинуюсь внезапному порыву, с сиротской обидой спросил я.

Сквозь густой слой тонального крема Марины Юрьевны проступили красные пятна. Она смешалась, поскольку с тем же вопросом на нее смотрели и Кимы. Простой отговоркой отделаться было нельзя. От ее ответа зависела степень доверия того, кого она хотела усыновить, и людей, уже являющимися моими опекунами. И Марина Юрьевна приняла правильное решение. Она стала объясняться с интонацией, сообщающей, что она понимает и уважает мои чувства:

– Видишь ли, я приехала в Москву из глухой провинции, и без копейки денег. Долго мыкалась по съемным углам, пока не сошлась с вдовцом, и начала жить в его квартире. Все без любви, мне требовалась прописка, а его дочерям мать, обязанности которой я честно выполняю. Однако, несмотря на всю заботу о них, я всегда боялась, что если муж узнает о моем внимании к тебе, разорвет отношения. Я наблюдала за тобой издали, надеясь познакомиться ближе, когда ты достигнешь более зрелого возраста. И поймешь, насколько тяжела у меня жизнь, и как я ограничена в своих желаниях. Возможно, я несколько затянула с нашей встречей, ведь с годами ситуация изменилась. В настоящий момент не я, а он находится под моим контролем. Недавно я говорила с ним о тебе, и мы пришли к соглашению. Но в детдоме я узнала, что тебя уже усыновила семья Ким. Я несколько ночей редела (женщина достала платочек и промокнула увлажнившиеся глаза). К счастью, выяснилось, все еще можно изменить! Поедешь ко мне?

Марина Юрьевна смотрела с такой надеждой, что у меня дрогнуло сердце. Я вдруг ощутил нечто, похожее на эмоциональную связь с ней. Такого у меня не было ни с одним человеком.

– А если вы меня возьмете к себе, где я буду жить? – спросил я, внезапно подумав о том, что мое первоначальное желание отказаться и никуда не ехать, возможно, не самое верное.

– Да, забыла упомянуть! Квартирный вопрос был большим препятствием. Но мне, наконец, удалось накопить деньги, и на свое имя купить у соседей немного жилплощади. После перепланировки я присоединила ее к квартире мужа. Так что, у тебя будет своя комната! – Сказала Марина Юрьевна, сияя от того, что сообщает мне радостную новость.

Она сумела взять меня «за душу»: мальчики у Кимов спали в общей комнате, и на двухъярусных кроватях, как в казарме.

– А где вы работаете? – спросил я. Мне очень хотелось, чтобы она работала в магазине электроники и бытовой техники. Я не имел большего удовольствия, чем разобрать сложное электронное устройство и попытаться понять, как оно работает.

– Я заведу билетными кассами Большого театра, – с гордостью сказала Марина Юрьевна так, словно я тогда должен был обязательно знать, что это такое – Большой театр. Впрочем, место ее работы мне понравилось. Я сразу вспомнил, что Марья Ивановна любила слушать оперные арии по радиоприемнику и восклицать: «Ах, как поют в Большом! Кто бы мне купил билет!»

Мысль о том, что, если я буду жить в Москве, то смогу ходить к Марье Ивановне в гости, окончательно склонила меня к переезду. Но я не мог выразить свое мнение вслух, мне не хотелось прогадать, да и огорчить Кимов.

Хорошо, Ким понял, что за мешанина у меня в голове, и вступил в разговор:

– Кабы вы сразу сказали, Марина Юрьевна, что являетесь Славике родственницей, мы не занимали такую непримиримую позицию. Ваша связь по крови, во всяком случае, в моих глазах, все меняет. Скажите, у мальчика есть, кроме вас, еще родственники?

– Да, конечно. Хотя они дальше по родству, чем я, но, думаю, тоже будут не безразличны к его судьбе. Славик с ними обязательно познакомиться. – Ответила Марина Юрьевна.

– Пожалуй, тогда сделаем так, – сказал мудрый Ким, вставая с кожаного дивана, на котором он имел обыкновение принимать важные решения, – наступили летние каникулы. Путь Славик поедет к вам на побывку, осмотрится. К началу учебного года мы посетим вас, и, если он захочет остаться, не будем препятствовать. Но если он уедет с нами, вы отступитесь! – и хозяин протянул крепкую ладонь с вьезшейся грязью Марине Юрьевне. Она немного подумала, и осторожно протянула ему свою, маленькую и надушенную.

Так, неожиданно – нежданно, я уехал с Жарковой Мариной Юрьевной, моей внезапно появившейся родственницей, жить в Москву.

Глава 30.

Марина Юрьевна оказалась человеком, который почти всегда подмешивает вымысел к истине, и использует полученный коктейль в зависимости от того, какие жизненные задачи перед ней стоят. То, что она рассказала о себе у Кимов, было не совсем правдой. Марина Юрьевна в театре трудилась старшим кассиром, а заведовала кассами лишь на период болезни, или очередного отпуска начальницы. В оправдание ее лжи можно сказать, что она заправляла на нелегальной бирже билетных спекулянтов. Но и здесь была не организатором схемы, а лишь посредником между уличными воротилами и театральным руководством. С ним у нее сложились доверительные отношения, когда она приехала из Калуги подающей надежды балериной. Марина Юрьевна танцевала второй солисткой несколько сезонов на сцене Большого. Ей предсказывали скорый взлет к славе, но она неожиданно сошла с дистанции, и удовлетворилась продажей билетов.

Касаемо ее мужа, Вавилова Игоря Витальевича, что тоже работал в Большом (на скромной должности электрика), то выяснилось, что он никогда не был домашним деспотом. Игорь Витальевич вёл бытие простого алкоголика, чего Марина Юрьевна ужасно стеснялась, и в самом начале их брака, надеялась изменить. Только махнув на мужа рукой, она вспомнила обо мне. Ведь Игорь Витальевич, несмотря на все ее старания, так и не стал питать к ней чувств,

а падчерицы, две погодки моложе меня, откровенно недолюбливали мачеху, хотя и тщательно скрывали это.

Игорь Витальевич родился в семье известного композитора и театрального режиссера, лауреата государственных премий СССР. Будучи молодым, Игорь Витальевич дерзал на многое в искусстве, выгодно женился. Однако смерть горячо любимой супруги, сразу после вторых родов по невыясненной причине, связанной со здоровьем, ввергло его в уныние, и лишила энергии реализовывать планы на жизнь.

Основой для второго брака Игоря Витальевича послужила только его наследственная квартира в старинном доме. Причем со стороны Марины Юрьевны, это и в самом деле была справедливая сделка: в придачу шли две сироты, за которыми надо было смотреть, как и за родными детьми.

Я навсегда запомнил первое впечатление от высокого дома на набережной Москвы–реки, где мне предстояло взрослеть. Меня поразила не только лепнина в готическом стиле и жуткие скульптуры на фасаде дома, но и фантастически красивый вид города в этом месте, покоряющий сердце с первого мгновения.

Слова Марины Юрьевны о покупке жилплощади для меня, в реальности оказалось выкупом за баснословные деньги спорной кладовой у соседей. Что позволило немного увеличить прихожую и выгородить клетушку на семь квадратных метров, получившую гордое звание комнаты только за то, что в ней имелось окно.

Планировка квартиры получилась затейливой, но такими были все квартиры в этом доме, построенном при последнем царе известным магом, по слухам, входившим в окружение самого Распутина. Я слышал много легенд, связанных с владельцем дома, о якобы замурованных в стенах тайниках. Однако никто из жильцов ничего подобного не находил.

Наш быт был устроен следующим образом: в средней (по размеру) комнате жили девочки. Комнату поменьше занимали Игорь Витальевич и Марина Юрьевна, которая, впрочем, придерживалась принципа, что муж может войти к ней только трезвым. В результате Игорь Витальевич постоянно спал, где придется. Слегка «подшофе» на диване в большой комнате, так называемой «парадной гостиной», а сильно пьяным на полу кухни с открытым, с целью выветривания запаха, окном. Его это устраивало, он к себе относился наплевательски.

Отличие от него, Марина Юрьевна выдвигала высокие требования ко всему. Она тщательно следила за своей внешностью и трепетно сохраняла вещи, оставшиеся от родителей мужа. Особенно картины известных художников и коллекционную мебель, которую нельзя было трогать без нужды руками, и уход за которой занимал у нее один выходной в месяц. Мало того, сама Марина Юрьевна покупала дорогие предметы советской эпохи, от чего квартира постепенно превратилась в своеобразный музей. Причем его центральным экспонатом являлась ростовая картина в «позолоченной» рамке, на которой была изображена Марина Юрьевна в свои лучшие годы, стоящей на пуантах балериной. Наверное, с этой картиной и в такой обстановке, Марина Юрьевна чувствовала себя состоявшейся. Тем, кем она хотела бы быть, но так и не стала.

Впрочем, когда я переступил порог, запутанная личная жизнь обитателей квартиры, и мои относительно стесненные условия в ней, меня не особенно беспокоили. Я был очень рад, что вернулся в Москву, в привычную для меня городскую среду, по которой отчаянно скучал у Кимов. К тому же я надеялся на встречу с Марией Ивановной и ее сказочными котиками. Мне хотелось опять ощутить ее любовь, а также узнать о плюшевом мишке и красной пожарной машине. Она мне их подарила, о чем случайно рассказала Марине Юрьевне, и та этим воспользовалась? Что Мария Ивановна скажет? Действительно ли Марина Юрьевна является моей далекой родственницей?

К сожалению, когда спустя неделю я дозвонился до детдома и попросил позвать к телефону Марию Ивановну, снявшая трубку нянечка, вспомнив меня, огорченным голосом сооб-

шила, что моя просьба невыполнима. Марья Ивановна узнала о врачах, которые могут излечить ее, и перебралась на постоянное жительство ближе к ним, куда-то в Калужскую Область. Я расплакался и дал отбой. Потеря надежды увидеться с доброй Марьей Ивановной стало для меня большим ударом.

Глава 31.

Постепенно некоторое неприятие Марины Юрьевны и настороженное отношение к ее словам сошли на «нет». Я увидел ее одиночество, чуть ли не физически ощутил ту невидимую границу, которая отделяла ее от мужа и его детей. Понял, насколько трудно ей скрывать за непроницаемой улыбкой свои истинные чувства, и нести взятые на себя жизненные обязательства.

Девочкам Марина Юрьевна наняла самых лучших репетиторов по дисциплинам, необходимым будущему артисту, и не скупилась водить их на приезжающих в Москву «звезд» классического танца. Конечно же, сестры ходили в балетную школу Большого, и непременно участвовали во всех «отчетных» спектаклях, где их мог взять на заметку педагог, работающий с уже взрослыми балеринами. Поэтому распорядок дня у девочек был расписан с точностью не минуты– секунды, и за его соблюдением постоянно наблюдало бдительное око Марины Юрьевны. За что падчерицы обидно прозвали ее «коброй очкастой».

Трудно сказать, что Марина Юрьевна хотела от них добиться. Чтобы они осуществили мечты ее молодости, и поднялись на вершину, которую ей не удалось взять? Или просто дать им шанс стать профессионалами? Пусть и не широко известными, но крепко стоящими на ногах, и имеющих возможность хорошо зарабатывать?

Наверное, Марина Юрьевна и сама не знала, какую цель преследует. Она родилась с желанием быть во всем лучшей, и не подозревала, что есть люди, которые этого не хотят. К примеру, тот же отец девочек, Игорь Витальевич, который всегда безвольно плыл по течению!

Естественно, стоило мне появиться в сфере ответственности Марины Юрьевны, я тут же был подключен ко всем мыслимым и немыслимым «артистическим» образовательным программам (за исключением балета, для него я был уже староват, и Марина Юрьевна отдала меня на биатлон, отказав в боксе, на который я хотел попасть еще с детдома).

Для изнеженного городского ребенка подобная нагрузка, свалившаяся как снег на голову, показалась бы чересчур большой, и, пожалуй, невыполнимой. Но я взялся за все с удовольствием, и, практически, с первого дня. Мне нравилось быть в гуще событий и среди сверстников, с которыми я быстро находил общий язык и хорошо дружил, несмотря на то, что, как верно заметила Валерия Ким, имел склонность к меланхолии.

Тем более что Марина Юрьевна, заметив у меня тягу к технике, за выполнение заданных учителями заданий и хорошее поведение, делала подарки, от которых я был в полном восторге: радиотехнические конструкторы и наборы, позволяющие собирать роботов. Я мог не смотреть телевизор неделю, отказаться от сладкого торта, но не иметь возможности собрать очередного робота– одно из самых тяжелых наказаний, что мне довелось терпеть.

Потихоньку я начал уважать Марину Юрьевну и относиться к ней гораздо лучше, чем девочки, которые не хотели признаваться, что взваленная на них нагрузка слишком тяжела им, и что они, хоть и справляются с ней физически, но из-за хорошо скрываемой лени, не хотят выполнять. Сестры обвиняли Марину Юрьевну во всем. Преподаватель перенес занятия– Марина Юрьевна вовремя не согласовала, получили плохую оценку– мачеха, она и есть мачеха, не слишком внимательна к ним, не помогла с домашним заданием.

Я был мал, чтобы верно оценить ситуацию в семье, но мне Марину Юрьевну, (которую я называл «тетей Мариной»), было очень жаль. Ее стараний никто не желал замечать, даже материальный достаток, достигнутый ею ради нас, считался сам собою разумеющимся. А из-за него она «балансирует на грани»: у нее постоянно случались неприятности, то с «партнерами по бизнесу», то с алчущими получить взятку правоохранительными органами.

Однажды тетя Марина пришла после работы с гипертоническим кризисом и сильным носовым кровотечением (она утверждала, что по причине таких, необъяснимых с медицинской точки зрения, приступов, ушла из балерин), и буквально упала в своей комнате на кровать. Обычно в таком состоянии ее никто не беспокоил: девочки тихо радовались, что она не заставляет их куда-либо идти, а Игорь Витальевич убежал к «лучшим друзьям» в соседний двор, где позволял себе парочку «лишних» стаканчиков.

Но тогда, слушая установившуюся в квартире тишину, я почувствовал сильное беспокойство за тетю Марину. Такое случилось со мной впервые, и, кстати, после того случая я перестал сомневаться, что мы родственники, и что это она присылала мне подарки на день рождения. Позже, вспоминая, я назвал это беспокойство «зовом крови».

А в тот момент я очень захотел, чтобы тете стало лучше, и она перестала страдать. Чтобы мы снова услышали в квартире ее бодрый голос, устраивающий нам очередной «нагоняй». Я собрал все конфеты, что имел, однако, вспомнив, что тетя бережет фигуру и никогда не ест сладкого, отложил их в сторону.

После чего, подумав с минуту, не придумав ничего лучшего, кроме как принести своего любимого робота (довольно уродливого снаружи, но технически продвинутого внутри), в комнату тети, и положить его на подушку, рядом с ее головой.

Когда я нажал кнопку на пульте управления, робот Кузя поморгал своим маленьким пиксельным экраном, изобразил смешную улыбку, и произнес единственное слово, что умел: «привет!». А я погладил Марине Юрьевне белые, словно лишенные жизни, пальцы, и как можно мягче сказал:

– Тетя Марина, не бойся, я тебе Кузю принес. Робот умный, он тебя вылечит!

Вполне заурядная фраза вызвала у Марины Юрьевны необычную для нее реакцию: она вдруг, не открывая глаз, обняла меня и заплакала. Я понял, насколько сильно тетя страдает от одиночества, и что мой поступок доставил ей настоящую радость.

Глава 32.

После того случая тетя Марина не начала отделять меня от девочек. Я не превратился в ее «любимчика», которому все прощают, и всегда отделяют самый лакомый кусочек. Нет, конечно. Но у нас возникло счастливое ощущение общности душ, сознание того, что в нашем существовании появился невидимый смысл дарения доброты друг другу. Я думаю, что Марина Юрьевна получила то, о чем мечтала всю жизнь, и на что втайне надеялась, усыновляя меня.

И вот, когда мои отношения с новой семьей установились, к нам с проверкой приехали супруги Ким. Они взяли с собой Мишу, старшего приемного сына, восемнадцатилетнего парня высокого роста, обладающего, помимо немереной физической силы, врожденным стремлением к справедливости. Их появление стало для нас сюрпризом (избегая возможного спектакля, Кимы не предупредили о приезде заранее), и мы не знали, как себя вести, чтобы произвести должное впечатление.

Я ни за что не хотел возвращаться на ферму, но видя, как растерялась Марина Юрьевна (Кимы выглядели очень решительно), я сник, и принялся перебирать роботов в надежде, что мне разрешат взять их с собой. При этом я с сожалением посматривал на большие напольные часы в гостиной, до которых мой технический гений еще не успел добраться. Они не работали, и я давно изнывал от желания узнать причину. Однако исследование часов я откладывал не из-за отсутствия удобного случая, а потому, что те своим внешним видом вызывали у меня замешательство. Я постоянно вспоминал рассказы соседей о построившем дом колдуне, и о его занятиях черной магией. Мне казалось, что часы раньше принадлежали ему, а Вавиловы забыли, или не придают этому значения. А хотя, следовало бы: часы были покрыты странными символами на космогоническую тематику. Но если образы статуй на фасаде нашего дома я нашел в книге по средневековой архитектуре, то к какой эпохе принадлежали знаки на часах, мне узнать не удалось.

Кроме того, память мучила меня смутными видениями, будто такие часы я уже видел в младенчестве, и что мне нужно держаться от них подальше, поскольку из-за них я могу попасть в беду. Вероятно, именно поэтому они привлекали меня как ничто другое, я просто сгорал от любопытства.

Валерия Ким заметила мой, украдкой брошенный на часы, взгляд. Игнорируя застывшее лицо Марины Юрьевны, которая с ужасом рассматривала грязные следы на покрытом воском паркете (гости из принципа не сняли обувь, желая подчеркнуть свое крестьянское происхождение), Валерия подошла к часам, провела по ним пальцем в поисках пыли, и, убедившись, что ее нет, бесцеремонно спросила:

– Так вы что ж, в Бога не верите? Я вижу, у вас нет ни иконы, ни св. книги! Неужели вы заставляете ребенка молиться на какие-то «туземные» часы? Ведь это даже не язычество, а полнейшее безумие!

Супруги Ким были буддистами, однако своей веры никому не навязывали. Они считали, что Бог у людей один, а как молится ему, пусть каждый решает сам. Нетерпимо они относились только к душевной лени: когда человек утверждал, что Бога нет, лишь бы его оставили в покое и не «лезли в мозг».

– Во что мы верим и кому поклоняемся, это наше дело! – Выйдя из ступора, вызванного прикосновением Валерии к часам (реакция тети удивила меня, я на секунду забыл о происходящем и пристально посмотрел на нее, пытаясь понять, что с ней), хмуро ответила Марина Юрьевна. – А у Славика крестик есть, и его молитвослов всегда при нем. Так что, свобода религиозного исповедания ребенка у нас соблюдается!

Утверждение Марины Юрьевны совпадало с мировоззрением Кимов. Поэтому Валерия не стала дальше развивать тему, а, поджав губы, сказала:

– Что ж, хорошо. Тогда можно ли нам посмотреть, где Славик у вас живет?

– Конечно, смотрите! – с предчувствием скандала ответила Марина Юрьевна, и широко распахнула дверь в мою комнату.

Супруги Ким неторопливо вошли в нее, и с хмурым видом осмотрелись. А оставшийся снаружи Миша, из-за громадного роста которого комната казалась собачьей конурой, просунул в нее голову и сказал:

– Да здесь совсем нет места!

И ожидаемый тетей скандал вспыхнул: Кимы принялись наперебой говорить о том, что уедут только со мной (в очень вежливых выражениях, потому что их слушали вернувшиеся из школы падчерицы Жарковой), и пусть суд решает, кто из усыновителей предоставляет ребенку лучшие условия.

Желая оправдаться, Марина Юрьевна резонно упрекнула Кимов в том, что их дом готов лишь наполовину, от чего дети живут по четыре человека в комнате. Валерия улыбнулась и с гордостью заявила, что они победили мусорных магнатов. Получили от них хорошую компенсацию, и теперь срочно достраивают дом. К тому же возводят «великолепную» дачу в самом живописном месте своих владений, возле красивого водопада. Так что, после окончания строительства, на ферме ожидается обилие жилплощади. У меня будет не только своя комната, но и мастерская. Да в принципе всё, что захочу.

Услышав такое от Валерии, Марина Юрьевна недоверчиво покачала головой. Тогда Миша достал смартфон и показал сделанные им фотографии. Судя по ним, дача была на «подходе», а дом Кимов действительно был завершен. Но рассматривая вместе со всеми знакомые пейзажи, я вдруг со всей ясностью осознал, что хочу жить только в Москве, а, главное, с Мариной Юрьевной.

К счастью, тетя интуитивно поняла, как склонить чашу весов в свою пользу: она открыла старинное пианино (внешне чем-то похожее на часы) и попросила меня сыграть простенькую пьесу. Первые уроки мне давала в детдоме Мария Ивановна, но нанятый Марией Юрьевной

репетитор сумел сотворить чудо. Благодаря ему я уверенно сел за инструмент, и исполнил пьеску так, что даже сестрички, которые ее тоже ее играли, но не так хорошо, принялись хлопать чуть ли не на «бис».

Этой демонстрацией Марина Юрьевна, сама того не подозревая, сорвала бонус: музыку буддисты Кимы считали основой мироздания, они представляли вселенную в качестве бесконечно звучащей субстанции. У них в доме тоже стояло пианино, облупленное и расстроенное, на котором Виктория иногда, по памяти, что-то играла.

А тетя, заметив в Кимах перемену настроения, принялась рассказывать о нанятых ею преподавателях, и о моих успехах. Хвалясь, показала значок, который я получил на соревнованиях по стрельбе (что понравилось Андрею Киму, он страстно любил охоту, и высоко ценил меткий выстрел).

Впрочем, слушая Марину Юрьевну, супруги больше наблюдали за мной, пытаюсь понять, к чему я расположен— остаться или уехать. Видимо, мое желание было настолько явным, что они переглянулись, и, попросив тайм-аут, вышли с Мишей на балкон, где устроили краткое совещание.

Когда Кимы вернулись обратно в гостиную, Виктория заявила:

— Предлагаем компромисс. Мы не хотим терять Славика, считаем своим сыном, и очень беспокоимся о его судьбе. Но признаем, что в городе он выглядит гораздо веселее, чем на нашей ферме. Поэтому сделаем так— на все каникулы и праздники он будет приезжать к нам, чтобы мы оставались частью его жизни. А он, соответственно, нашей. Так мы сможем наблюдать, как он растет, и что с ним происходит. И если Славик однажды надумает остаться у нас, а к вам будет только приезжать, вы не станете этому препятствовать.

В этот момент Марина Юрьевна услышала пьяный голос мужа, горланящего во дворе песню, и решила соглашаться, пока Кимы не познакомились с Игорем Витальевичем. Ведь тетя сказала, что муж во «вторую смену», хотя в действительности он задержался возле мусорных баков, выпить с приятелями.

При расставании Андрей Ким пожал мне руку, как взрослому, а Валерия поцеловала в лоб. Миша перекрестил, подарил иконку св. Матроны Московской и сказал, чтобы я молился ей, если что.

Все получили свое, и никто не выглядел огорченным: я остался жить в Москве, Марина Юрьевна сохранила приемного ребенка, а осенние каникулы, на которые я должен был приехать к Кимам, начинались уже через две недели.

Глава 33.

Сестры Нина и Татьяна Вавиловы не выглядели красавицами. Среди сверстниц вряд ли кто-нибудь выделил их взглядом, разве что за осанку, свойственную тем, кто занимается балетом. Иные девочки берут живостью общения, им во внешности прощают многое, называют «милашками», и с удовольствием приглашают в компанию. Но сестры не принадлежали к этому типу.

Поэтому мир мало интересовался ими, как, впрочем, и они миром. И всё потому, что в отсутствие нормальной семьи девочки выглядели странно в обществе. Когда они выражали свое мнение о человеческих отношениях или моральных ценностях, с ними старались не продолжать разговор.

Конечно, с годами сестры изменилась, и в достаточно зрелом возрасте были, вполне себе социальные. Но на момент нашей встречи они желали общаться только между собой, от чего выглядели не по возрасту высокомерными. Мне кажется, что одной из причин моего появления в доме на набережной Москвы-реки было решение Марины Юрьевны таким образом воздействовать на сестер, поскольку все другие возможности изменить их в лучшую сторону она исчерпала. А впрочем, ход мыслей тети Марины всегда был неизвестен. Умом тетю не представлялось возможным понять, лишь почувствовать ее настроение.

Тщательно скрываемую нелюбовь к Марине Юрьевне, сестры, естественно, перенесли и на меня. Хотя, как детдомовец, я умел налаживать отношения. Для меня это был не только вопрос выживания, я чистосердечно хотел иметь с людьми хорошие отношения. Но что я мог сделать, если сестры постоянно находились в своей комнате?

Поиграть с ними, или узнать что-нибудь о школе, где они учились, и куда меня тоже определили, не представлялось возможным. А Марина Юрьевна по вечерам работала в кассе, возвращалась поздно, и не могла знать, насколько «дружелюбна» атмосфера в семье. Чтобы не огорчать тетю, я придумывал позитивные истории, позволяющие ей предположить, что у нас все в полном порядке.

Следует заметить, что жившие на ферме девочки не играли с мальчиками, центром их внимания была Валерия Ким. Поэтому наш «пацанский» коллектив «варился в собственном соку». Определенное пренебрежение правилами гигиены считалось нормой. К примеру, мы не пользовались носовыми платками. Да и зачем они на природе, где даже туалетную бумагу заменяли листья лопухов? Что касается одежды, то, когда стираешь ее сам и руками, поневоле смиряешься, что белое становится неисправимо серым. И начинаешь считать, что масляные пятна, полученные от возни с трактором, только украшают брюки настоящего мужчины.

Помимо этих недостатков, у меня полностью отсутствовал этикет поведения за столом. К примеру, сестры пользовались бумажными салфетками, я же брал хлеб из хлебницы голыми пальцами. А в то время кожа на руках у меня была грубой и с настолько въевшейся грязью, что ее не представлялось возможным отмыть. Девочки отказывались сидеть рядом со мной, их «тошнило». Они кушали, когда я уходил с кухни.

Так же сестры всякий раз переглядывались и морщились, едва я употреблял в своей речи «неприличные» слова – «ложить», «ехай», и им подобные. Своей реакцией они желали показать, что я – неотесанная деревенщина, и никогда не буду им равней.

В общем, сестры всячески старались найти во мне отрицательные черты, и ткнуть в них носом. Чтобы я не думал приставать с вопросом, почему, раз уж нам выпало жить вместе, они не только не дружат со мной, но и противятся даже нейтральным контактам.

Прологом к установлению взаимопонимания между нами стала история с котенком. Как-то ненастным зимним днем маленькое рыжее существо оказалось возле двери, жалобно мяукая от боли в лапках. Они были поранены битым стеклом, которого так много в Москве под снегом. Сестры пожалели котенка, занесли в квартиру, но что с ним делать дальше, не придумали. Они просто положили его в своей комнате, возле батареи отопления, и накрыли старой газетой.

Девочки хорошо понимали, что Марина Юрьевна не разрешит оставить животное в такой квартире, как наша. Они дождались, когда я вернусь из школьного бассейна, и, как ни коробило их идти на сближение, показали котенка мне.

Конечно, не потому, что сестры потешили мое самолюбие, а из милосердия, я принялся оказывать помощь. Вспомнил, как помогал Марии Ивановне с такими же, найденными на улице, больными кошками. Сбегал в аптеку за жидким антибиотиком, вскрыл ампулу, и залил котенку в рот. А лапы промыл антисептиком и перевязал, как умел.

К утру больному стало легче, он попил молока. Однако долго пребывать в комнате у сестер он не мог, и мы с ужасом ждали, когда тайна откроется. К счастью, на стене дома появились размноженные на ксероксе объявления о пропаже котенка.

Втроем, страшно гордясь собой, мы отнесли животное к страдающей без любимца хозяйке. Она нас хорошо приняла, расхвалила за сострадание, и вознаградила коробкой конфет. На обратном пути девочки сделали то, что до этого случая казалось невозможным: они разделили конфеты на три части, и одну торжественно вручили мне.

Следующая причина, заставившая девочек пересмотреть наши отношения, оказалась довольно неожиданной. Они вдруг заметили, что старшие девочки, пользующиеся в школе определенным авторитетом, общаться с которыми было престижно (все-таки Москва, школа

в центре, дети делились на детей «простых» и не «не простых» родителей) включили сестер в свой круг общения. Стали приглашать на дни рождения, или просто провести время вместе. Но... при условии, что сестры придут со мной.

Кличка «красавчик», так раздражающая меня в детдоме, и, естественно, о которой я предпочитал не распространяться, почему-то опять, применительно ко мне, возникла на новом месте жительства. Я был на год старше Татьяны, на два года старше Нины, но ровесником тем девочкам, что хотели меня видеть. И сестрам периодически приходилось просить меня об одолжении: чтобы я пошел с ними туда, куда им очень хотелось попасть.

По доброте душевной я соглашался, поскольку считал сестер такими же сиротами, как и я, которые в отсутствии полноценной семьи нуждаются в мелких радостях жизни. Хотя, пресыщенность московских детей из «высшего света» вызывала у меня отвращение. Я на этих званных мероприятиях, до которых девочки были так охочи, лишь улыбался, боясь сказать лишнего и испортить праздник.

Гораздо свободнее я чувствовал себя у Кимов, где, как и договорились взрослые, проводил каникулы. Причем постепенно Марина Юрьевна стала доверять Кимам, а те тете, и до такой степени, что простили ей даже мужа— алкоголика. В результате летом дачу Кимов посещали сестры, а зимой Валерия, приезжая в Москву за врачебной консультацией, ночевала в нашей квартире.

Идиллию тех лет нарушил лишь несчастный случай, как-то произошедший со мной на ферме. Нина раззадорила меня прыгнуть в речку с высокого дерева, а не с берега, как это делали все. Поскольку мне самому хотелось показать себя перед деревенскими ребятами, я прыгнул. Вышло красиво, но под водой я ударился о корягу и сломал руку. Хорошо еще, что с нами был Миша, самый старший из нас. Он нырнул за мной и спас от верной смерти: от болевого шока я не мог сам всплыть на поверхность.

Сломанная рука создала мне неодолимое препятствие, как на спортивной стезе, так и на пути овладения музыкальными инструментами. Марина Юрьевна вынуждена была оставить мне репетиторов только по вокалу и сценическому мастерству, чему я только обрадовался. У меня появилась возможность факультативно посещать занятия по информатике и записаться в радиотехнический кружок.

Глава 34.

Возвращаясь в воспоминаниях к Игорю Витальевичу, следует сказать, что он был самым образованным человеком из всех, что мне приходилось встречать, и полностью оправдывал звание сына выдающихся родителей. Его речь удивляла с первых слов: в быту он говорил этаким литературно— «московским» говорком, с большим количеством иностранных слов. Вряд ли учителей у него было больше, чем у нас. Но генетическая предрасположенность к гениальности дала ему то, что на «квадратный дециметр мозга» он впитал гораздо больше информации, чем, к примеру, я. Мальчиком мне казалось, что дядя Игорь знает абсолютно все, и даже, кое—что из того, до чего наука еще не додумалась.

Однако, при всем при этом, Игорь Витальевич не хотел взрослеть. Родись он позже, скорей всего, был бы болен виртуальной реальностью, и, принимая стимуляторы, сутками напролет «висел» в интернете, играя во все онлайн— игры подряд. Но неудачники его поколения выбирали алкоголизм. Не как физическую зависимость, а как норму жизни, освобождающую дух от тяжких оков плоти и позволяющую вести трансцендентальное созерцание человеческого бытия.

То, что Игорь Витальевич не настоящий алкоголик, а человек, использующий алкоголизм, чтобы уйти от «правды жизни», можно было догадаться, наблюдая за его суточным графиком. В первую половину дня и в рабочее время (которое заканчивалось на последнем спектакле) Игорь Витальевич пить категорически отказывался. И очень обижался на тех, кто ему

предлагал. Более того, он мог искренне пообещать жене, что после работы сделает что-нибудь полезное, например, навестит больного товарища, или сходит за покупками в магазин.

Но стоило Игорю Витальевичу выйти с работы, он тут же находил и немедленно употреблял. Пусть немного, но достаточно, чтобы пьяным бродить с друзьями неизвестно где, и далеко за полночь. А попадая в квартиру, отравлять своим дыханием воздух так, что нам, детям, спать подчас не представлялось возможным.

Впрочем, все было не так уж и плохо, если учесть его отказ от спиртного в общении с Мариной Юрьевной выходные, а так же во время их совместного отпуска. Если Игорь Витальевич постоянно находился в поле зрения жены, он не пил. Были ли у них супружеские отношения? Трудно сказать, но, посещая летом дачу Кимов, они выглядели гармонично. Не отказывали себе в удовольствии сходить в лес за грибами, где весело шутили и оказывали друг другу любезности, говорящие о том, что их приятельные чувства находятся на высоте.

Я тоже любил трезвого Игоря Витальевича. Он был добр и приятен в общении, помогал делать уроки, с удовольствием играл в шахматы (причем я ни разу у него не выиграл, хотя иногда «обставлял» разрядников).

В первый год нашего знакомства я не мог понять, почему Игорь Витальевич молчит о своей первой жене и родителях. А потом до меня дошло: они странным образом ассоциируются у Игоря Витальевича не с квартирой, где мы жили, а с определенными местами «старой» Москвы. Если он хотел рассказать девочкам о матери, или о бабушке с бабушкой, он отправлялся гулять с нами по центру города, и рассказывал нам страницы из истории столицы. Именно от Игоря Витальевича я услышал много того, о чем не принято писать в книгах. Например, подробное изложение так называемых «городских легенд». Особенно меня поразили истории Игоря Витальевича о Кремле и его обитателях. Игорь Витальевич умел вести повествование так, словно был знаком с правителями России, и лично присутствовал при многих событиях.

Но, даже если и сильно выпивши, он не представлял опасности. Вел себя тихо, никогда не скандалил, только смущенно улыбался и терпел все упреки в свой адрес, причем неважно, от кого они исходили. Иногда просил прощения у соседских собак, сильно лаявших за дверью по мере того, как он поднимался по лестнице, шатаясь и спотыкаясь.

Хотя, был один нехороший случай, сильно врезавшийся мне в память. Как-то Игорь Витальевич загулял до рассвета, а, вернувшись, сообщил, что продал часть квартиры. Потому что ему не на что было выпить, а его новым знакомым негде жить. От такой новости у Марины Юрьевны, готовившей на кухне завтрак, отнялись ноги. Она рухнула на стул и упавшим голосом спросила, где он нашел нотариуса ночью.

– Нотариуса? – растерянно переспросил Игорь Витальевич, и в этот момент в дверь позвонили. Марина Юрьевна нашла в себе силы подняться и открыть. Она увидела двух бомжей с грязным листом бумаги, на котором был рукописный текст, завершающийся жирной и отчетливой подписью Игоря Витальевича. На наше счастье, опустившиеся граждане находились в состоянии не лучше, чем сам Игорь Витальевич, написавший купчую, и, мало соображая, что держат в руках, согласились отдать бумагу хозяйке за три «косаря».

Конечно, прецедент исключительный, но, как мне кажется, спровоцированный самой Мариной Юрьевной. Как выяснилось, у тети есть страшный секрет, который она ото всех скрывает (и гораздо тщательнее, чем пьянство мужа).

Марина Юрьевна имела привычку пропадать на пару– тройку дней, всегда неожиданно, и как мне кажется, даже для нее самой. Я сделал такой вывод, заметив, что тетя всякий раз оформляет больничный лист не до дня своей пропажи, а после, задним числом. У Марины Юрьевны для этого имелся врач, который за хорошую мзду «прикрывал» ее.

Причем вначале тетя пропадала редко, но затем, по мере моего взросления, стала это делать все чаще.

Глава 35.

А впервые при мне, это случилось так: как-то выйдя к завтраку, я увидел на кухне не привычный для нас, аккуратно накрытый стол с овсянкой и яичницей, а всего лишь несколько вазочек со сладостями. Ими (о, ужас!) беспорядочно набивали живот сестры, которые, к тому же, пришли на трапезу в спальных пижамах. А ведь тетя такое поведение считала безобразным, и категорически запрещала! Я громко позвал Марину Юрьевну, желая узнать у нее, что у нас произошло. Но в ответ услышал лишь звук разбившейся бутылки. Та упала с дивана, на котором этой ночью почивал пьяный Игорь Витальевич. Бутылка оказалось второй неожиданностью за утро: до этого я не видел, чтобы Игорь Витальевич приносил спиртное домой.

Крайне взволнованный, я подошел к комнате Марины Юрьевны и постучал. К сожалению, разрешения войти не последовало. Но я все-таки открыл дверь и осмотрелся. Тетю, либо намека на то, что она спала в своей кровати, я не заметил. Хотя вечером Марина Юрьевна пришла с работы в обычное время. Поскольку она (в отличие от мужа), не имела «полуночных» друзей и привычки пьянствовать с ними, я почувствовал сильное беспокойство.

Я еще не знал, что тема исчезновений Марины Юрьевны не подлежит обсуждению, и обратился с вопросами к Игорю Витальевичу. Он уже успел занять вертикальное положение и немного привести себя в порядок. Игорь Витальевич неопределенно похлопал меня по плечу и отправился на Бережковскую набережную, где имел привычку «проветриваться» перед работой в театре. Я проводил его недоуменным взглядом, и попытался узнать, хоть что-нибудь, у девочек.

Они одарили меня ехидными улыбками (воспользовались моментом, чтобы продемонстрировать презрительное отношение к Жарковым), а затем заперлись в своей комнате. Чем довели до моего сведения, что «заболели», и сегодня в школу не пойдут. Как будто посещение занятий было необходимо не им, а мне, или тете.

Я понял, что Вавиловы не считают нужным переживать по поводу исчезновения Марины Юрьевны, и решил подождать развития событий. Отправился в школу, где на протяжении дня старался не показывать окружающим свою тревогу.

И только поздним вечером, уступая моим настойчивым расспросам, девочки промямлили нечто невразумительное. Будто тете Марине срочно понадобилось кратковременное пребывание в «женском» стационаре. Я не поверил сестрам, их слова выглядели предположением. Если Марине Юрьевне понадобилась срочная госпитализация, то почему она не оставила записку с указаниями на все случаи жизни? Это было в ее духе, тетя «просто так» не покинула бы нас!

Я вновь обратился к Игорю Витальевичу. Он довольно резко сказал, что мне следует поинтересоваться у Марины Юрьевны, когда она вернется, где она была, и если я получу ответ, какой бы он не был, поделится с ним. После чего, громко хлопнув входной дверью, ушел во двор, пить с друзьями. Только сегодня, по его мнению, имея на это «полное право».

Я прошелся взглядом по нашей, так быстро ставшей грязной, квартире. Расстроился, тяжело вздохнул, и отправился в свою комнату: в тот день задали много уроков. К сожалению, сосредоточиться у меня не получилось. Посидев над тетрадями с час, я лег на кровать и предался грустным мыслям. Как ни странно, я больше переживал за сестер, поскольку, в случае чего, всегда имел возможность уехать к Кимам. А вот девочки, с их странным отношением к жизни и безответственным отцом, в отсутствии тети выглядели уязвимыми.

Постепенно мои переживания сменились сном.

А утром меня разбудил голос Марины Юрьевны. Она возмущалась, что в ее отсутствие мы устроили «полный бардак». Не передать, как я обрадовался тете. Пулей выскочил из своей комнаты, желая скорее ее увидеть. Марина Юрьевна стояла в гостиной с мокрой тряпкой в руках, и пыталась сообразить, с чего ей начинать уборку. Выглядела она вполне здоровой, хотя под глазами у нее были темные круги, а взгляд неестественно «горел».

Видимо Игорь Витальевич уже рассказал ей, насколько сильно я нервничал в ее отсутствие. Потому что она, когда я подошел, обняла меня, как родного сына, и срывающимся голосом произнесла:

– Придет время, ты узнаешь правду не только обо мне, но и, обо всех Жарковых. А пока рано, не лишай себя детства!

Я понял, что она так извиняется, и просит меня забыть об инциденте. Тетя редко выражала свою любовь ко мне, обычно вела себя сухо, и я, расчувствовавшись, отошел от нее со слезами на глазах. Главным в тот момент для меня было то, что она вернулась, и наша жизнь не изменится в худшую сторону.

Однако после вторичного исчезновения тети Марины у меня возникло устойчивое желание узнать правду. И я задумал сделать это самостоятельно, без расспросов, которые так нервировали других членов семьи.

Я принял во внимание, что большей частью Марина Юрьевна исчезала перед новым годом. Поэтому, предчувствуя это событие, я начинал по ночам караулить, желая хоть что-нибудь услышать или увидеть. Но то ли бороться со сном у меня получалось плохо, то ли тетя двигалась удивительно бесшумно, да только выходило так, что утром ее не было, а я был в неведении, как такое случилось.

Ставши еще старше и анализируя свои ночные бдения, я вспомнил, что всякий раз в ночь ее пропажи, сквозь сон я слышал странный бой часов, никак не связанный с реальным временем. И звуки пианино. Две– три ноты, словно сыгранные учеником, усевшимся разучивать гаммы. Поскольку я жил в бывшей кладовке, то почему–то подумал, что звуки доносятся от соседей. Как будто так звучит заставка в телевизионной передаче, из тех, под которую засыпают.

Но потом я подумал– неужели передача может идти столько лет? Вряд ли. Но тогда звуки доносятся из гостиной, расположенной по соседству с комнатой Марины Юрьевны. Выходит, что я слышал наши напольные часы! И если тетя страдает сомнамбулизмом (я склонялся к этой версии), во время приступа она может, сама того не замечая, заводить часы и крутить стрелки. Затем слушать их бой, а так же примитивно подыгрывать ему на пианино.

После чего покидать квартиру по пожарной лестнице за окном, и в бессознательном состоянии уходить куда-то, возможно даже, далеко. Туда, где прохожие, увидев женщину «не в себе», вызывают скорую помощь, которая отвозит тетю в первую попавшуюся психиатрию. Адрес больницы заранее знать невозможно, и Игорь Витальевич ждет, когда «проснувшаяся» и выписанная Марина Юрьевна вернется сама.

Напрашивался вывод, что Марина Юрьевна, чтобы не лишиться работы, скрывает серьезное психическое заболевание. Болезнь наследственная, проявляется только в зрелом возрасте. Мне еще рано думать о ней. Тетя правильно делает, что откладывает разговор на потом. Хочет, чтобы я рос, и не забивал себе голову ненужными страхами.

Слабым местом в этой, на мой взгляд, весьма удачной теории, были часы. Вернее, их механизм, или, еще точнее, отсутствие в нем большей части необходимых шестеренок и пружин. Я много раз пытался понять, как их починить: мне очень хотелось сделать Марине Юрьевне приятное. Но, в конце концов, пришел к выводу, что часы созданы только для украшения интерьера.

Сработавший их часовщик изначально отказал им в функциональности. Словно он хотел сделать нечто парадоксальное, что к отсчету минут и секунд не имеет отношения, однако по неизвестным причинам бросил дело на полпути. Я решил поискать в интернете чертеж похожего механизма, желая понять, как завершить тот, что находился в нашей гостиной. Но оказалось, что, как и в случае с космогонической резьбой, ничего, даже отдаленно похожего, нет ни на одном из специализированных сайтов.

Продолжая свои исследования, я обнаружил на некоторых шестеренках даты их производства, и пришел к выводу, что часы не такие уж старинные, как я первоначально думал. Они были переработкой артефакта 18 века в некий новодел, возрастом не старше моего.

Учитывая, какие шикарные вещи Марина Юрьевна обычно покупала у антиквара, и как трепетно она относилась к тому, чтобы квартира была на «уровне», такой «кич», выставленный ею на самом видном месте, выглядел, по меньшей мере, странно. Ну да бог с ним, ей виднее, возможно, она мечтала приобрести оригинальные часы в будущем, а пока тешила себя их дешевой незавершенной копией. Это было не принципиально. Гораздо сильнее меня волновал вопрос: а все— таки, как возникали ночные звуки?

Тайна открылась мне таким образом, что даже спустя много лет я отказываюсь верить в то, что тогда увидел и услышал.

Глава 36.

В жизни каждого молодого человека наступает день, когда он, поддавшись на уговоры «опытного» приятеля, пробует алкоголь. Но, не зная его силы, пьет лишку, и становится очень пьяным. В результате происходят нехорошие события, о которых потом стыдно вспоминать. Такое произошло со мной в выпускном классе, на школьном празднике, посвященном наступающему новому году.

Пить начали в мужском туалете, чтобы, когда начнутся танцы, одноклассницы оценили, как от нас «приятно пахнет». А продолжили на школьном дворе, где из пижонства «занюхивали» водку снегом. Когда спиртное закончилась, глотали таблетки. В результате танцы превратились в нечто непонятное, склоняющееся к скандалам и даже дракам, в которых, как ни удивительно, лидировали девочки, тоже что-то употреблявшие.

Две взъерошенные подруги из параллельного класса пристали с предложением уединиться и выкурить «косяк». Я не хотел этого делать, но они были настойчивы. Обещали научить целоваться, что очень пьяному мальчику, каким я тогда был, показалось не такой уж плохой затеей. К тому же приятель авторитетно произнес, что уже «курил», и в этом нет ничего плохого. Убедительно заявил, что попробовать нужно, без этого «взрослым стать нельзя». Я согласился при условии, что, если мне не понравится, докуривать и целоваться они будут без меня.

От едкого дыма самокрутки мне стало плохо. Увидев приближающиеся губы одной из подруг, я оттолкнул ее. Девочка обиделась и залепила мне пощечину. Я почувствовал привкус крови во рту и неожиданно для себя принялся громко хохотать. Кто-то из преподавателей сразу нас обнаружил и заставил вернуться «в коллектив».

В теплом помещении меня совсем развезло, начались галлюцинации и «двоения» в глазах. Я расплакался. Приятель сжалился, помог уйти с праздника и добраться до дома, где я с радостью отправил все содержимое желудка в унитаз. А затем, несмотря на «детское» время, ушел в свою комнату, сказавшись больным. Решил побыть до утра под одеялом и обождать, пока организм не переработает все «излишества».

Моё сонно— пьяное забытье вышло прерывистым: я постоянно ходил к унитазу с явно выраженным намерением, которое, впрочем, не осуществлял. При очередном «походе» меня разозлили «световые мелькания» на стенах коридора. Мне показалось, что именно из-за них мой мозг не успокаивается.

Я подошел к комнате Марины Юрьевны и тихо постучал по стеклу двери, более чем уверенный, что она заснула, читая книгу на экране смартфона. Его свечение (о чем она даже не догадывается) может повлиять на ее подсознание, и вызвать приступ лунатизма. Со всеми вытекающими, вплоть до исчезновения на несколько дней, последствиями.

Потом я подумал— но что если в коридоре «мельканий» нет, а я все еще во власти галлюцинаций? Что ж, тогда мне следует признаться во всем Марине Юрьевне и выпросить у нее лекарство, которым она в таких случаях приводит в чувство Игоря Витальевича.

Не услышав на мой стук ответа, я приложил ухо к двери, надеясь таким образом определить, что происходит у тети. Каково же было мое изумление, когда я услышал храп Игоря Витальевича. Если супруги, в кое-то веки, легли спать вместе, то тревожить их уединение было крайне бестактно. Я тяжело вздохнул и собрался идти в кровать.

Однако тут услышал «те самые» звуки пианино и боя часов, доносящиеся (как я и предполагал) из гостиной. И еще странное (словно из проколотого мяча) шипение. У меня странным образом возникла новая версия случаев с тетей. Я почему-то подумал, что Марина Юрьевна, никакой не лунатик. Она замешана в преступлениях (вспомнил криминальную атмосферу возле касс театра), и нас периодически посещают скрывающиеся от милиции уголовники. Тетя с ними уходит, чтобы разделить «левые деньги» на тайной воровской «малине».

Конечно, это был пьяный бред. Но я искренне поверил в него.

Подрагивая от нервного возбуждения и стараясь ступать как можно тише (чтобы не вызвать интерес у проникших к нам злодеев), я направился к двери в гостиную. Хотя меня и беспокоил резкий позыв рвоты, зовущий не туда, куда я шел, а в более прозаическое место, где я теоретически мог получить облегчение.

В таком состоянии я взялся за медную ручку, и, пока собирался с духом, намереваясь повернуть ее, заметил под ногами яркую полоску света. Она образовывалась лучами, проникающими в щель между дверью и полом. Через эту щель также уходил воздух, постепенно уплотнявшийся до такой степени, что его неторопливое истечение фиксировали мои глаза. Такое необычайное явление усилило мой испуг, и заставило отказаться от всех предыдущих предположений о происходящем в нашей квартире.

Сгорая от желания узнать правду, я не выдержал и открыл дверь. Но... лучше бы я ее не открывал! Меня пронзил необычайный холод, а вместо гостиной я увидел бесконечное черное пространство с миллионами звезд. Округлившимися от страха глазами я смотрел на полупрозрачное существо, отдаленно похожее на тетю, которое стояло на поверхности (начинающейся у моих ног) кометы и созерцало космос во всей его полноте.

Я вскрикнул. Существо повернуло голову, посмотрело на меня, и принялось махать рукой, запрещая идти дальше. Я ощутил близости смерти для нас обоих, и от переживаемого кошмара впервые за свою жизнь закричал «мама, мама!». Уж не знаю, кого я так звал – давно умершую мать, чтобы она своей любовью пришла мне на помощь, или Марину Юрьевну, которую я предположительно видел, и не хотел потерять.

Мой крик изменил ситуацию. Вселенная перед глазами «поплыла» и распалась на отдельные цветные линии. Они затейливо переплелись и исчезли в далекой, сверкающей «снежинке». А когда «снежинка» потухла, наступила полная тьма, в которой не было воздуха. Я начал задыхаться. У меня случился коллапс сознания, и я упал в обморок.

Глава 37.

На следующее утро я очнулся на своей кровати. Голова раскалывалась, по телу словно прошли асфальтовым катком. После нескольких попыток я сел и осмотрелся, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. Однако память служить отказывалась. Лишь небрежно брошенная на стул мягкая одежда и запах от нее подсказывали, что я вчера «пустился во все тяжкие».

Я бросил взгляд в зеркало и ужаснулся. Выйти к завтраку с таким лицом было делом невозможным. Кряхтя, как старый дед, я поднялся и прокрался в ванную комнату, где встал под контрастный душ. Нельзя сказать, что от него наступило облегчение, но некоторая ясность в мыслях появилась.

Я вспомнил кое-что из того, что происходило со мной за последние сутки, и расстроился. Как объяснить Марине Юрьевне, почему я пришел домой пьяным? Мало ей Игоря Витальевича? Или придумать невероятную историю, по которой я буду не виноват в случившемся? Но «любительницы поцелуев» непременно выложат всю правду обо мне сестрам, а те уж расскажут Марине Юрьевне, каков в действительности ее «любимчик».

Я направился на кухню, желая увидеть сестер за завтраком, и по их улыбкам понять, что им известно. Однако с удивлением увидел, что голодные девочки делают себе яичницу.

И так плохое, настроение стало хуже некуда: я сообразил, что Марина Юрьевна опять пропала. Поэтому мои приключения не интересовали сестер, они сильно переживали по поводу того, что их предпраздничные планы рухнули. И, хоть и не напрямую, но осуждали тетю за ее особенность исчезать из нашей жизни, когда она нам очень нужна.

Слушая болтовню девочек, я стучал ложкой в стакане, размешивая давно уже размешанный сахар. Перед моими глазами то появлялась, то исчезала картина, как тетя ночью превратилась в луч света. Учитывая мое увлечение фантастическими фильмами, я убеждал себя, что это было галлюциногенное сновидение.

Однако все равно мучило тревожное чувство, что с Мариной Юрьевной произошло нечто неординарное, и я в этом принимал участие. Я резко встал из-за стола, и, сопровождаемый недоуменными взглядами сестер, отправился в гостиную.

Но в гостиной комнате я не обнаружил чего-либо странного. Все выглядело, как всегда. Кроме, пожалуй, открытых клавиш пианино. Но почему? Тетя сочла бы это беспорядком, и перед тем как уйти спать, обязательно закрыла крышку. Я подошел, и в задумчивости сыграл ноты, которые всегда сопровождали бой часов. В то же мгновение реальность изменилась, и я неожиданно увидел (но не явно, а как бы далеким миражом) черное пространство космоса и скопления звезд. У меня случился приступ, я тихо вскрикнул, и видение сразу пропало.

Я отошел от пианино, и, со страхом посматривая на него, принялся утешать себя тем, что Марина Юрьевна обычно возвращается через день, максимум два, и это время пролетает быстро. Я решил, что, как только тетя вернется, непременно добьюсь от нее правды «о Жарковых», которую она обещала рассказать.

Я взял себя в руки и вернулся на кухню, где успокоил девочек, сказав им, что по магазинам мы пойдем обязательно. Мы уже достаточно взрослые, и можем сами организовать достойную встречу нового года.

Два дня пролетели в праздничных хлопотах и ожидании, а на третий день беспокойство вернулось с новой силой. Какая– никакая, но у нас была семья, и мы не хотели слушать поздравление президента страны без Марины Юрьевны, имея во главе стола пьяненького Игоря Витальевича.

Но пришлось. Ели салат оливье и открывали шампанское с каменными лицами, боясь произнести неосторожное слово и вызвать нервно– истерическую реакцию. Сухо поздравили друг друга короткими фразами и рано разошлись по своим комнатам, даже не глянув на сложенные под елкой подарки.

Ночь провели без сна, прислушиваясь, не зазвонит ли телефон, или не раздастся двойной, столь хорошо нам знакомый, звонок во входную дверь перед тем, как Марина Юрьевна будет проворачивать ключ в замке.

Однако вышло так, что тетю Марину мы уже никогда не увидели.

Глава 38.

Первый месяц выдался самым тяжелым. Мы постоянно ожидали возвращения тети и выходили на связь по несколько раз за час, желая узнать, нет ли от нее новостей. Наша прежняя веселость и беспечность исчезли, как будто их никогда не было. Помимо того, я сильно страдал от бессонницы, которая приводила меня в гостиную комнату и заставляла возвращаться к вопросу– что на самом деле здесь произошло? Я корил себя за ту ночь, мне мерещилось черт знает что. Чтобы не сойти с ума, я в один прекрасный день решил больше никогда не думать о том, как исчезла Марина Юрьевна.

Общая ситуация усугублялась еще и тем, что Игорь Витальевич, лишившись супруги, страшно запил, и от него ни в чем не было толку. Нет, разумеется, ради дочерей он поклялся

оставить бутылку в покое, но продержался недолго. Ровно столько, чтобы, с соблюдением всех формальностей, подать в полицию заявление о пропаже человека.

А у меня и Татьяны (Нина училась на год младше) выпускной класс. Голова должна быть занята предстоящими экзаменами, и тем, какое учебное заведение будет следующим. Однако ни о чем таком, мы не думали.

Лишь на второй месяц отсутствия Марины Юрьевны мы смогли совладать с нервами и принялись всерьез обсуждать ситуацию. Пришли к общему мнению, что это, похоже, надолго, если не навсегда. И нужно что-то делать с нехваткой средств. Само собой, Марина Юрьевна, как и все русские люди, не доверяла банкам и хранила сбережения дома. Но деньги тети на текущие расходы, которые она держала «в шкафчике», к тому времени уже закончились.

Нужда заставляла нас срочно искать выход, ведь Игорь Витальевич зарплату домой приносил по остаточному принципу, и даже в такой критической ситуации не собирался что-то менять. И мы нашли: с согласия сестер, я воспользовался своими техническими навыками, и вскрыл персональный сейф Марины Юрьевны.

На тот случай, если нам придется держать перед тетей ответ, мы завели тетрадку, куда решили заносить все расходы. Подсчитали, что при очень суровой экономии, протянем до осени. А дальше, вероятно, придется продавать антикварные предметы, что так тщательно собирала (хоть и без всякой системы) Марина Юрьевна. Мы старались не думать, что будет, если дойдет до этого: послать Игоря Витальевича в комиссионку не представлялось возможным, а нас, ввиду нашего малолетства, оценщики могли обмануть или сдать в полицию.

Да, конечно, мы звонили по больницам, обходили знакомых, да и вообще людей, способных, по нашему мнению, чем-то помочь. Цеплялись за малейшую информацию, порой абсурдную. Проверяли места, где тетю якобы «мельком видели» соседи. Не отказывались выслушивать предположения, которыми нас травил возникающие из ниоткуда «экстрасенсы».

Спустя три месяца сестры Вавиловы совсем раскисли. Я тоже сильно хандрил, но держался лучше них. Я уже пережил много безвозвратных расставаний, и выработал умение, не смотря ни на что, просто жить дальше. К тому же семья Ким, узнав о нашем несчастье, подбадривала, как могла: они часто звонили и интересовались, как у нас дела. Предлагали переехать к ним навсегда, или на некоторое время. И к их чести, не только мне, но и девочкам. Не отказывались принять и Игоря Витальевича, при условии, что пить он будет мало.

Словами участие Кимов не ограничивалось: они периодически присылали Мишу. Мы всегда ждали его с нетерпением, он умел нас утешить, и от него всегда была польза. К примеру, Миша ходил со мной по моргам и стоял рядом, когда я осматривал неопознанные трупы подходящих по возрасту женщин.

Несмотря на то, что мы были очень благодарны Кимам, однако всерьез их идею о переезде не рассматривали. Оставить школу в последнюю четверть перед ее окончанием, казалось невозможным. К тому же Игорь Витальевич напугал нас, предложив свой (давно им пестуемый) план антикризисных действий.

Он хотел продать квартиру и купить точно такую же, только на окраине. А разницу в деньгах положить в банк и безбедно жить на проценты всей семьей. Квартира стоила, конечно, хорошо, в нашем доме жили одни миллиардеры, но была причина, по которой план никуда не годился. И этой причиной был сам Игорь Витальевич. Как он не «божился», мы не без основания подозревали, что все деньги он рано или поздно пропьет, а ввиду того, что с окраины ездить в центр не сможет, лишится и работы. Игорь Витальевич и так ходил на нее через раз, но руководство театра, зная о его несчастье, терпело.

В общем, идти на риск продажи квартиры не имело смысла, хотя сестры и колебались, находясь под влиянием отца. Возникла неприятная для меня ситуация. В случае голосования, я имел бы один голос против трех: жилплощадь принадлежала в равных частях всем Вавило-

вым. Тетя имели в ней только купленную ею кладовку (мою комнату), которую, как и все свое имущество, завещала мне.

Без моей доли цена квартиры сильно падала. И поэтому я предложил подождать три года: либо тетя вернется, либо по суду ее признают без вести пропавшей. С судебным решением на руках я вступлю в наследство, и мы подготовим квартиру к продаже путем объединения долей. Тогда появится смысл говорить о выгодной сделке.

Сестры приняли мою сторону не потому, что я говорил правильные вещи. Просто я выглядел гораздо увереннее, чем Игорь Витальевич. Он был вынужден тоже кивнуть головой. Впрочем, это не помешало ему на следующий день опять завести прежний разговор. Понять, что это у него – отказ памяти, или не дающее ему покоя желание поступить так, как он считает лучше для себя и дочерей, было невозможно. В любом случае, идти у него на поводу я не собирался. Для него я был никем, и оказаться в финансовой зависимости от алкоголика мне вовсе не улыбалось.

Глава 39.

В «выигранном» мною эпизоде с продажей квартиры впервые проявилось то, как изменились сестры после исчезновения тети. До этого наивные создания, со своими «чудными» представлениями о жизни, они начали взрослеть не по дням, а по часам. Татьяна и Нина, наконец, осознали, что Марина Юрьевна, которой они, несмотря на все ее хлопоты, отказывали в благодарности, была основой их существования. Пропала «твердая рука», ежедневно заставляющая девочек выполнять распорядок дня.

Как и их отец, Игорь Витальевич, сестры Вавиловы не имели достаточной силы воли, чтобы поступать так, как нужно. И если раньше девочки видели себя только балеринами, то теперь эта профессия, ввиду отсутствия стартового капитала, оказалось для них закрытой.

В результате занятия балетом прекратились, а оценки в школе оставляли желать лучшего. Я пытался повлиять на сестер, но вначале у меня это плохо получалось. Перелом к лучшему произошел, когда я уговорил Татьяну принять правильное решение относительно ее будущего.

Тут следует пояснить, что Марина Юрьевна хотела пристроить меня на бюджетное место в «Щуку». У тети была «железная» договоренность с преподавателем, в молодости танцевавшим с ней в одном спектакле, и, по всей видимости, влюбленным. Я не считал возможным перечить Марине Юрьевне. Поэтому не только соглашался стать артистом, как она настаивала, но и предпринимал для этого все усилия. Уроки сценического мастерства, занятия вокалом – всему этому я отдавался самоотверженно.

Но свободную минуту посвящал любимым роботам и чтению специальной литературы об искусственном интеллекте. Однако когда понял, что для того, чтобы заниматься им всерьез, необходимо иметь математическое образование, к которому у меня нет способностей, мой интерес сместился в сторону высокоскоростного интернета. Будущее всего человечества зависело от развития коммуникаций связи, мне хотелось иметь представление об этой области.

При сложившихся обстоятельствах мое увлечение оказалось кстати: я, ничуть не сомневаясь в правильности выбора, предложил Татьяне готовиться к поступлению в «Щуку» вместо меня. С чем она, после мучительных для нее размышлений, согласилась. Сам же направился, куда втайне и мечтал – в Московский технический университет связи и информатики.

Хотя тема исчезновения тети не пропала из нашего ежедневного общения, и мы продолжали искать ее, однако у меня и Татьяны мысли постепенно стали концентрироваться на других задачах. Как ни тяжела жизнь, если цель поставлена, и определены способы ее достижения, человеку становится легче.

Однако изменение к лучшему, случившееся в нашем психологическом состоянии, не затронули Нину. Будучи на год младше, она лишилась не только мачехи и привычного образа жизни.

Нина не могла понять, как она будет оканчивать школу, когда придет ее очередь. Ведь деньги к тому времени у нас закончатся. Но если мы, старшие дети, в таком случае могли подрабатывать уже студентами, то на что она, школьница, могла рассчитывать?

Нина не обладала артистическими способностями Татьяны, и даже при очень большой протекции, не имела шансов на учебу в театральном. Поэтому, сколько Нина не думала, она не могла сообразить, к какой профессии ей стремиться. И нужно ли ей специальное образование: целеустремленность у нее тогда отсутствовала.

Но наблюдая за нами, Нина тоже заметила, что наполненный заботами день проходит гораздо легче, чем пустой. Поэтому, устав думать о постигшем семью горе и потере внушенных мачехой надежд о балете, Нина занялась ведением домашнего хозяйства. На которое, по вполне понятным причинам, ни у Татьяны, ни у меня, времени не хватало.

Мы были благодарны ей за это, и, как могли, выражали свою признательность. Особенно мы ценили то, что Нина взяла на себя ответственность за Игоря Витальевича. Она постоянно звонила к нему, когда он был вне дома, и ходила встречать после работы, чтобы его ноги «не занесли, куда не надо». Игорь Витальевич свои привычки не переменил, но, во всяком случае, дочь не позволяла ему опускаться до откровенных безобразий.

Трудно сказать, когда Нина решила выйти за меня замуж. Вероятно, именно в тот период. Она не влюбилась в меня, нет. Из нас троих, Нина больше всех походила на Марину Юрьевну, у которой рациональное, довлело над эмоциональным. Вероятно, Нина пришла к мнению, что, скорей всего, она выше обычной домохозяйки не поднимется. А при таком раскладе мужа лучше, чем я, ей не сыскать.

В чем-то она была права: после прекращения занятий балетом ее «исключительная» статья сошла, и она превратилась в обыкновенную девочку. Без всякой возможности купить себе косметику или новое платье, что особенно обидно, если имеешь богатых подруг и живешь в самом центре Москвы. Но если у меня и Татьяны от предчувствия близости взрослой жизни «горели глаза», что компенсировало нашу поношенную одежду и заставляло сверстников ее не замечать, то у Нины было все наоборот. Унылый быт и отсутствие планов по самореализации съедали ее. А Нине хотелось иметь цель в жизни не меньше, чем нам. И она пришла к тому, что этой целью вполне могу быть я.

Я не запомнил точную дату, лишь момент, когда я с удивлением подумал, что Нина изменилась ко мне. Она стала больше меня «чувствовать», что ли. К примеру, я, с характерным для мужчин непониманием всех сложностей достижения чистоты, решил принести в дом найденного на улице котенка. Тети не было, нам никто не мог запретить. Я от чего-то вспомнил, как Нина расстроилась, когда пришлось отдавать хозяевам того, что находился у нас ранее, и захотел скрасить ей «серость существования». Как будто у нее забот недоставало! Пока нес котенка, сочинил, как это делала Марья Ивановна, сказку. А, вернее, вспомнил одну из тех, что рассказывала воспитательница, и дополнил ее событиями дня сегодняшнего.

Я занес хоть и красивое, но ужасно грязное животное в квартиру, когда Нина закончила мыть посуду и стояла на кухне, возле мойки. С растрепанными волосами, имея на руках резиновые перчатки с мыльной пеной, а на груди грязный передник в жирных потеках. От выражения ее лица у меня возникло ощущение, что сейчас она устроит скандал, и я как можно быстрее понесу котенка туда, откуда взял.

В тот момент я не догадался, почему ее гневный взгляд, обращенный с животного на меня, неожиданно переменялся и стал задумчивым. Полагаю, она принялась оценивать мой поступок уже не как ребенок, а как взрослая женщина, перед которой стоит нелегкий выбор. Котенок, с ее точки зрения, был знаком доверия с моей стороны. Этаким мостом, по которому она имела шанс пройти к моему сердцу. Отринь его— и другого случая ей могло не представиться. И для человека, который переживает по поводу своего будущего, она поступила правильно: взяла животное, но с условием, что ответственность за него будем нести вдвоем.

Котенок и в самом деле объединил нас, как ни что другое: он быстро стал любимцем. По признанию всей семьи, чувствовал, когда хозяевам плохо. Мурлыканьем и лаской спасал от плохого настроения, а при болезни, чуть ли не заменял доктора. К сожалению, вскоре выяснилось, что у котенка сахарный диабет. И ему нужно постоянное лечение. Получилось, что я как бы должен Нине за то, что создал ей дополнительную проблему. И Нина умело воспользовалась этим, культивируя у меня чувство вины перед ней. Она подробно рассказывала о своих частых визитах в кабинет ветеринара, и то, как тяжело ей это дается.

Кроме того, в спорах Нина начала принимать мою сторону, порой даже не выясняя сути вопроса. Чем вызывала у Татьяны недоумение. Разумеется, до брака было еще очень далеко, и пока даже намеком на него, не пахло. Но я уже начал приходить к убеждению, что единственная девушка на свете, которой можно рассказывать о себе всё, что угодно, и она всегда поймет меня, это Нина.

Глава 40.

Момент знакомства с Олегом на нулевом курсе я запомнил также хорошо, как и он. Группа абитуриентов сидела в университетской аудитории, слушая преподавателя, когда дверь открылась, и вошел Чибис. Весь перепачканный и взъерошенный, с раздраженным выражением лица. К сожалению, преподаватель оказался из породы «юмористов». Он не знал, впрочем, как и мы, что новичок прибыл прямо из аэропорта, проведя в дороге сутки. Преподаватель позволил себе насмешки над, как он выразился, «деревенщиной».

Аудитория, состоящая в основном из коренных москвичей, дружно смеялась. А Олег становился все мрачнее и мрачнее, глядя на преподавателя исподлобья. Я буквально чувствовал, что он сорвется, и сделает что-то плохое. Как детдомовцу, мне приходилось наблюдать такие ситуации. Я не был заинтересован в срыве занятия, поскольку денег на репетитора, который был нужен для поступления в специализированный технический университет, у меня не имелось. Курс были единственным шансом, если не подготовится, то хотя бы узнать уровень знаний, необходимый для прохождения профильного приемного экзамена.

Поэтому я подвинулся за партой, и, дружески улыбаясь, жестом пригласил Олега сесть рядом со мной. Я не думал, что Чибис действительно так поступит, скорее, с моей стороны это было нечто символическое. Я сидел позади, до меня свободные места еще имелись. Причем, рядом с очень симпатичными девушками. Но Олег прошелся по аудитории взглядом, будто кого-то высматривая, и неожиданно направился ко мне. Преподаватель произнес еще пару острот, но ввиду исчезновения объекта шуток из поля зрения, вернулся к учебной теме.

Книги о депрессии, которые Чибис тогда заметил у меня, я купил перед занятиями. Не себе, как Олег предположил, а с целью оставить на видном месте в квартире, чтобы, при желании, сестры могли ознакомиться с их содержанием. Но как выяснилось, книги и мне пригодились. Они помогли найти друга.

Однако не скажу, что мы сдружились по сходству характеров. Скорее, на основе взаимной выгоды. Олег приехал поступать после армии, где служил в войсках связи. Он хорошо представлял будущую профессию. И имел гораздо больший уровень знаний для поступления, чем я, со своими детскими роботами и сведениями, взятыми из посещений радиотехнического кружка.

Чибис был рядом со мной не только на курсе, но и на экзамене, где фактически (подсказывая едва заметной мимикой) помог получить высший бал, так необходимый мне для конурсного прохождения на бюджетное место. Олег продолжил помогать и дальше, уже в учебе. Он никогда не отказывался помочь с курсовой, или решить задачу по информатике, если у меня возникали трудности. Естественно, и я, в свою очередь, должен был предложить ему что-то.

Как и всякий приезжий из глухой провинции, Олег хотел влиться в современное ему московское общество, и предпочтительно, богемное. А из студенческого общежития, где Чибис поселился в комнате такими же иногородними студентами, как и он, ему вряд ли это удалось.

У меня на лбу не было написано, что я могу помочь ему осуществить мечту, и я долго не говорил ему, где и с кем живу. Но меня не покидало чувство, что он знает обо мне всё. Я относил это к всеведущему интернету, где при желании можно найти информацию о ком угодно. Хотя я почти не вел свою страницу в социальной сети, однако меня легко можно было найти на фотографиях бывших одноклассников. Среди них имелись настоящие фанаты выкладывать на всеобщее обозрение каждое мгновение своей жизни, и сопровождать их подробным описанием «кто, с кем, и почему».

Кроме того, Татьяна активно продвигала себя, где только могла. Она почти сразу начала блистать на студенческих спектаклях «Щуки», и при уже имеющихся друзьях из мира искусства, у нее становилось их еще больше. Тематические сетевые издания брали у Татьяны интервью, в которых она подробно рассказывала не только о себе. Татьяна с благодарностью упоминала брата (т.е. меня), и сестру Нину, как людей, оказавших на нее огромное влияние при выборе профессии.

Я познакомил Олега с сестрами случайно. Мы находились в университете, когда ко мне позвонила Нина, и срывающимся голосом попросила срочно прийти в пивную «у сквера». Какие-то уголовники напоили Игоря Витальевича, избили, и заставляют подписать дарственную на квартиру.

Я сразу бросился в указанное Ниной место. Олег, заметив, что я сильно побледнел и куда-то направился, последовал со мной. В дороге Чибис улучшил момент и тактично спросил, что случилось. Но я попросил его обождать – он поймет, когда сам всё увидит.

Мы «жестко» зашли в пивную, нашли компанию, которая удерживала Игоря Витальевича, и порвали лежащие перед ним бумаги. «Дружки – уголовники» побоялись перечить двум крепким парням, которые понимали друг друга без слов. А чтобы они больше не искали Игоря Витальевича, Олег на прощанье поднял пустой стакан, и, глядя с угрозой, сжал его так, что тот с хрустом развалился на осколки. Чибис небрежно бросил их на стол, чем произвел сильное впечатление на разгульную публику.

После происшествия Игорь Витальевич имел ужасный вид, и мог опозорить нас в глазах привередливых соседей. Поэтому я попросил, и Чибис согласился занести безвольное тело Игоря Витальевича в нашу квартиру. Когда мы это сделали, выяснилось, что помощь нужна и самому Чибису. Он порезался осколками стакана, с его пальцев капала кровь.

Нина принесла на кухню аптечку, но бинтовать Олега принялась прибежавшая с репетиции Татьяна. Чибис с интересом смотрел на сестер, и я был вынужден представить его. Нина вежливо сказала, что заочно, по моим рассказам, знакома, и ей очень приятно. А Татьяна мило улыбнулась, как, наверное, умеют улыбаться только актрисы. Олег не мог оторвать от Татьяны глаз, все смотрел и смотрел. Глядя на них, я неожиданно подумал, что они в чем-то похожи, и, хоть оба не блещут красотой, пара может выйти замечательная.

С тех пор всё свободное время Чибис проводил только со мной и сестрами, а из них двоих, больше с Татьяной. Олег быстро «обтесался» на дружеских вечеринках, куда ходил с нами. Он получал большое удовольствие, когда в курилке университета, под завистливыми взглядами незнакомых с «бомондом» технарей, вскользь упоминал, с кем из театральных «звезд» столицы мы в приятельских отношениях. Но если Чибис придавал этому большое значение, я же не считал нужным распространяться на этот счет. Наверное, потому, что не придавал чьей-то славы значения. Считал, нас окружают обычные друзья, такие, какие есть у всех.

Глава 41.

Несмотря на то, что Олег уходил от нас в свое общежитие только на ночь, сестры были довольны нашей дружбой. В то время нам была нужна любая поддержка. А Чибис не отказывался выполнить любую, даже самую мелкую просьбу, и всегда был очень обходителен.

Однажды при нём мы завели разговор, что пришла пора продавать вещи из коллекции Марины Юрьевны. Я хотел избавиться от часов, но понимал, что они ничего не стоят, и предложил пианино. Кроме меня, на нем никто не выучился играть, а я к нему больше не подходил. Опасался, что «видения» вернуться. Поэтому хотел избавиться от ужасного инструмента, который вызывал во мне сплошной негатив. К тому же настройщик утверждал, что продать его можно быстро и выгодно: пианино «с историей», изготовлено известным немецким мастером. Чибис принялся уговаривать нас не делать этого. Он высказал мнение, что без пианино гостиная будет выглядеть значительно хуже.

Нам пришлось признаться Олегу в нашем бедственном материальном положении и в том, что мы не знаем, как жить дальше. Не исключено, что придётся бросить учебу и зарабатывать на пропитание. Олег вышел на балкон покурить, а когда вернулся, предложил оригинальный план выхода из, казалось бы, безнадежной ситуации.

Сам Олег нуждался в средствах не меньше, чем мы. Его отец, при большом количестве правительственных наград, богатств не нажил, и довольствовался скромной (по генеральским меркам) пенсией, половину которой посылал сыну. Если во Владивостоке на эти деньги можно было существовать, но никак не в Москве, в ее столичной суете и множеством расходов, связанных с учебой в престижном университете. Поэтому Олег часто подумывал о приемлемом для студента заработке.

До армии Чибис трудился свадебным фотографом. А в этой профессии, как в никакой другой, важны «правильные» знакомства в среде потенциальных потребителей. Олегу часто приходило на ум, как использовать наши московские связи, однако он стеснялся сказать нам, думая, что мы поднимем его на смех. Самолюбие, выражающееся у него, в том числе, и в боязни выглядеть нелепо, порой побеждало здравый смысл.

Но вот, он все-таки преодолел себя, и, бледнея и заикаясь, предложил заняться организацией свадеб и праздников. Если Татьяна профессиональная актриса, то роль ведущей не должна доставить ей затруднений. Мне Олег предложил стать ее помощником и исполнителем юмористических куплетов (мои вокальные данные Чибис не оценивал высоко, но утверждал, что на такого красавчика, как я, станут смотреть, даже если я буду просто стоять с открытым ртом). На Нину, поскольку она была гораздо свободнее, чем мы, возлагались обязанности по приему заказов и решению организационных задач. Себя Чибис предложил в качестве фотографа и водителя с машиной (тогда он был единственным из нас, у кого имелись права, к тому же отец прислал ему денег на старенькие «жигули»).

Идея выглядела авантюрой, и могла сказаться на наших отношениях с друзьями. Она не понравилась нам еще и потому, что ее высказал Чибис, а не кто-то из нас. Но, тем не менее, спустя неделю отчаянных споров, мы приняли ее. И уже через полгода не жалели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.